

**Юрий
Михайлов**

ИЗБРАННОЕ

**От автора книги
«Пора понимать Коран»**

Второе издание,
дополненное

Научно-издательский
центр
Ладомир
Москва

*Уважаемые читатели.
Если после знакомства с этой книгой
возникнет желание поделиться о ней мнением,
Михайлову Юрию Анатольевичу
можно написать по адресу:
ladomirbook@gmail.com*

**Владимир
Путин**

Уфимские тезисы*

Добрый день, уважаемые священнослужители, уважаемые муфтии!

Считаю важным, что мы с вами встречаемся регулярно, обсуждаем вопросы, которые представляют интерес и для мусульман России, и для других конфессий, вообще для всех граждан нашей страны.

Сегодня здесь, в Уфе, отмечается 225-летие учреждения императорским указом духовного собрания магометанского закона. Тогда, в конце XVIII века, ислам был официально признан традиционной религией России, что способствовало, конечно, становлению мусульман как верных патриотов нашей страны.

Ислам стал значимым фактором общественно-политической жизни и внёс неоценимый вклад в духовное и культурное развитие нашего общества. Ещё раз поздравляю вас с этой исторической датой.

Хотел бы поблагодарить вас за вашу работу и поговорить с вами о современных глобальных тенденциях, в том числе и в религиозной жизни. Сегодня в мире идёт актив-

* Выступление на встрече в Уфе с муфтиями духовных управлений мусульман России (22 октября 2013 г.). В качестве названия речи в настоящем издании использовано выражение, получившее у российских мусульман, религиоведов и политологов широкое распространение.

ный, далеко не всегда позитивный процесс политизации религии, причём по разным направлениям и разных религий, но в том числе ислама. В этих условиях у власти и российского мусульманского сообщества возникают новые проблемы и новые задачи. Конечно, и мы с вами об этом много раз говорили, решить их можно только совместно.

Некоторые политические силы используют ислам, а точнее его радикальные течения — кстати сказать, исторически не характерные для российских мусульман, — в целях ослабления нашего государства, для создания на российской территории зон управляемых извне конфликтов, внесения раскола между различными этническими группами, внутри самой мусульманской общины, для разжигания в регионах сепаратистских настроений.

Убеждён, что таким попыткам разделения необходимо противопоставить верность российских мусульман своим историческим традициям, партнёрские отношения с представителями других религий, прежде всего с Русской православной церковью.

Да, разумеется, для ислама — впрочем, откровенно говоря, так же как и для других мировых религий — характерно многообразие различных школ и течений; ему, конечно, чужда иерархическая унификация. Однако в служении обществу и своему государству мусульмане России всегда были едины, защищая его как от внешних врагов, так и от любых проявлений экстремизма. Уверен, это единство может быть сохранено и укреплено даже и сегодня.

Новая социализация ислама должна рассматриваться как развитие традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с современной социальной действительностью, в противовес идеологии радикалов, сталкивающих верующих в Средневековье. Здесь важны и новые формы работы — через мусульманские культурные центры, исламские научно-просветительские центры, молодёжные, женские клубы.

Я убеждён, что может быть значим и ваш большой вклад в социальную адаптацию людей, которые приезжают в Россию жить и работать. Многие из них — это ваши единомыслители. Они должны слышать ваш голос, чувствовать ваше участие, в противном случае они становятся объектом пропаганды различных фундаменталистских структур.

Считаю также, что голос российских мусульманских деятелей должен громче звучать и на международной арене, в мировом исламском сообществе. Сегодня усиливается напряжённость между Западом и исламским миром. Кое-кто на этой теме пытается играть, подбрасывать дровишек в этот костёр. Я хочу вам сказать сразу: мы в этом не заинтересованы.

Но в то же время сегодня и на Ближнем Востоке, и в исламском мире в целом растёт востребованность в российском присутствии. И мы должны действовать более активно, развенчивая губительные для человечества проекты манипулирования странами и народами, информацией и общественным сознанием.

Россия не только не заинтересована в расколе либо в перекройке исламского мира, но, напротив, проводит последовательную, твёрдую линию по укреплению его единства.

Для успешного противостояния вызовам современности необходимо в первую очередь обеспечить высокий авторитет отечественного мусульманского духовенства и российской исламской богословской школы.

Вот об этом, уважаемые друзья, я бы хотел сказать отдельно.

Сегодня в России насчитывается 82 зарегистрированные исламские централизованные религиозные организации. Мусульмане хорошо знают суру Корана, согласно которой нет другого пророка на земле, кроме Мухаммеда. Но мы с вами в то же время понимаем: нельзя забывать о том, что сами священнослужители — это прежде всего люди с

моральным авторитетом, который должен быть использован в самых благих целях. Священнослужители должны быть людьми образованными и просвещёнными, способными дать чёткую и канонически безупречную оценку острым современным вызовам и угрозам.

Инициатива должна перейти к вам, нельзя её упускать в руки неформальных лидеров, ведущих активную работу среди верующих. Эти лица, являясь представителями, как правило, чуждых нашей стране богословских школ и сторонниками экстремистских идей, стремятся к подрыву позиций традиционного ислама в нашей стране, к подрыву единства российского общества и развалу в конечном итоге нашей страны.

Российский ислам имеет все возможности, опираясь на многовековой отечественный опыт в системе религиозного образования и богатейшее богословское наследие, сказать своё слово в развитии, поэтому одна из важнейших задач — воссоздание собственной исламской богословской школы, которая обеспечит суверенитет российского духовного пространства и, что принципиально важно, будет признана большинством мусульманских учёных мира. Эта школа должна откликаться на самые актуальные события и в России, и в мире в целом, давать свои оценки, которые будут понятными и авторитетными для верующих. Уверен, что если всё это мы будем делать, то это поможет вам давать чёткую нравственную оценку и благим, и преступным деяниям.

Всё это в том числе позволит решать проблемы, связанные с переводом на русский язык богословских и популярных изданий зарубежных авторов, обеспечить научный перевод на русский язык ключевых мусульманских вероучительных текстов.

Попыткам разделения необходимо противопоставить верность российских мусульман своим историческим традициям, партнёрские отношения с представителями дру-

гих религий, прежде всего с Русской православной церковью.

Необходимо также создавать религиозно-правовые общественные институты, способные дать компетентную оценку того или другого текста. Эти структуры должны быть открыты и для исламских духовных лидеров, и для экспертов в вопросах права, лингвистики. Я считаю, что, безусловно, можно и нужно привлекать для этой работы и мировых экспертов в этой сфере. Таким образом российское исламское сообщество само сумеет предотвратить распространение изданий, имеющих деструктивный, экстремистский характер.

Сегодня же, вы тоже об этом знаете, главным образом государство вынуждено применять запретительные меры в отношении подобной литературы, что на самом деле далеко не всегда результативно, а чаще даже наоборот. Запреты работают слабо или имеют противоположный ожидаемому эффект. Нужно убеждать людей, разъяснять им, где правда и добро, а где ложь и ненависть.

Считаю также, что приоритетом в публичной деятельности самих мусульманских организаций должны быть не внутренние дискуссии и споры о верховенстве — такое тоже случается, — а всё-таки главное: это выработка положительного образа традиционного ислама как важной духовной составляющей общероссийской идентичности.

Это имеет огромное значение для воспитания молодёжи, что крайне важно как для мусульман, так и для всей страны, крайне важно для российской мусульманской молодёжи, которая давно, к сожалению, стала целевой аудиторией для наших недоброжелателей.

У российских мусульманских религиозных организаций есть все возможности для своего широкого позиционирования в современных средствах массовой информации. И, уважаемые друзья, я прошу вас пользоваться этими возможностями для решения многих задач, которые

были мною сейчас названы, о которых вы хорошо знаете и которые мы с вами неоднократно поднимали и обсуждали на таких или даже более широких встречах.

**Юрий
Михайлов**

О программе Президента РФ В.В. Путина по социализации ислама в России*

Выступление президента на встрече с исламским духовенством в Уфе, многими воспринятое как рядовое событие, в действительности беспрецедентно не только для современной России, но и для царских времен, поскольку носит программный характер, призвано определить как тактику выстраивания отношений государства с исламским сообществом страны, так и задать стратегический вектор по позиционированию отечественной уммы в деле претворения Россией своей миссии быть государством-лидером на планете.

Скажу сразу, для меня остается большой загадкой, кто в нашей стране будет нести персональную ответственность за реализацию задач, поставленных президентом, — Минобрнауки, Минрегионразвития, ФСБ, Совет Безопасности, Администрация Президента, еще кто-то? Все они так или иначе причастны к положению дел с исламом, но кто именно отвечает головой, я не знаю. Ведь не с духов-

* Доклад на круглом столе в Общественной Палате РФ (4 декабря 2013 г.).

ных же управлений должен быть спрос, пусть даже они и проедают огромные средства. Похоже, «у семи нянек дитя без глазу». Более того, мой двадцатилетний опыт общения с госчиновниками по исламской проблематике позволяет утверждать с высокой степенью уверенности, что абсолютное большинство из них вообще мало что поняло из сказанного В.В. Путиным.

Поэтому в нынешнем своем докладе мне придется ориентироваться прежде всего на эту незримую гвардию — с погонями и без, — от которой во многом зависит благополучие простых россиян. Постараюсь расставить точки над «i» максимально внятно.

Итак, определяющей чертой выступления президента стал акцент на «новой социализации» российского ислама. Чтобы прочувствовать исключительность события, каждый может попытаться подыскать такие примеры из новейшей истории мусульманских держав, когда глава государства ставил бы задачу осовременить социальную интерпретацию правоверия ради гармонизации общества и ускорения развития страны. Лично я таких примеров не припомню. Вы только вдумайтесь: самый влиятельный в нынешнем году (по версии американского журнала «Forbes») человек на планете, глава крупнейшего в мире светского государства с мультиконфессиональным населением, преимущественно всё-таки христианским, обращается с призывом развить социальное учение ислама, исповедуемого пятой частью граждан, и повысить роль религии пророка Мухаммада в жизни, по сути, всего общества! Что-то доселе не виданное!

Тенденции развития глобализующегося мира, динамика внутривнутриполитической ситуации в России сегодня таковы, что исламский фактор начинает приобретать всё более весомое влияние, сказывающееся непосредственно на жизни всех наших соотечественников независимо от религиозной принадлежности. Степень гражданской конструктивности

и духовной позитивности этого влияния определяется глубиной понимания мусульманами своего вероучения, адекватностью его истолкования в контексте запросов, рождаемых потребностями развития России в XXI веке.

Но достижение столь нужных понимания и адекватности немислимо без глубочайшего знания первооснов ислама, а именно Священного писания мусульман — Корана, и биографии пророка ислама — Мухаммада, по воззрениям мусульман, «совершенного человека», своим жизненным примером продемонстрировавшего, что значит жить «по-исламски», то есть выступившего эталоном социальной интерпретации заключительного (после Ветхого и Нового Заветов, точнее — Торы и Евангелия) послания Всевышнего — Корана. Поскольку жизнь меняется, то и надвременное кораническое Слово Божие при обращении к нему раскрывается новыми гранями в новых контекстах. А потому требование современного понимания вероучения — это теологическая норма, лишь соблюдение которой позволяет гармонизировать отношения правоверных с инаковерующими. Важно учитывать, что в социальном плане ислам — это религия многообразия (а не унификации, как полагают многие), религия, дорожащая национально-культурной самобытностью народов, их историческим прошлым и одновременно нацеленная на постоянную модернизацию общества на основе инноваций и всестороннего развития личности, то есть тех способностей и талантов, которыми Бог — об этом прямо говорится в Коране — наделяет индивидуально каждого новорожденного и ожидает, что, повзрослев, тот проявит себя самым благотворным образом в мире, который отдан ему в хозяйственное управление. А потому, кстати, отсталое государство не вправе претендовать на то, чтобы называться исламским.

Поскольку ислам — это не только религиозный культ, но и образ жизни, требующий от исповедника этого вероучения непрерывного — всей повседневной практикой —

ежесекундного свидетельствования приверженности одному-единственному Богу и Его Пророку, государство, пусть даже и светское, не может оставаться в стороне от того, какими взглядами и чаяниями живут его граждане-мусульмане.

В свете сказанного абсолютно логичной представляется идея президента о необходимости обеспечения суверенитета российского духовного пространства, открытого ныне всем ветрам. Поддержанием такого рода суверенитета озабочены практически все ключевые страны Исламского мира. Эту миссию традиционно выполняют национальные богословско-правовые школы. Именно их представители формируют модели социального поведения соотечественников, вносят в эти модели необходимые коррективы, сообразные веяниям времени. Естественно, подобные школы заинтересованы в охвате своим влиянием мусульман других государств, в конечном счете прямо или косвенно подчиняя их себе. Но какими бы распрекрасными ни казались ценностные ориентиры, возглашаемые данными школами, чаще всего они оказывают деформирующее воздействие на иные культурные среды, порождают острые внутриконфессиональные и межрелигиозные конфликты в «окормляемых» государствах.

Президент четко обозначил требования, которым должна соответствовать российская школа исламского богословия и права. Речь идет прежде всего:

- о ее высоком авторитете не только у россиян, но и у мигрантов, а также на всем постсоветском пространстве и в целом на международной арене, о признании школы большинством мусульманских ученых мира;
- об отпоре идеологии радикалов, сталкивающих правоверных в Средневековье;
- о развитии традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с реалия-

ми 21-го столетия, фактически — о формировании современной доктрины российского ислама;

- о живом отклике на актуальные события внутренней и международной жизни, выливающимся в богословско-правовые заключения, понятные и авторитетные для верующих;
- о выработке положительного образа традиционного ислама как важной духовной составляющей общероссийской идентичности.

И конечно же российское исламское богословие должно заговорить на чистом русском языке — языке великой русской литературы и духовности, без косноязычия, сдобренного вымученными неологизмами и навязчивыми арабизмами, этой «смеси нижегородского с французским». «Огромную объединяющую роль в тысячелетней истории России всегда играл русский народ и русский язык, — сказал 4 ноября этого года В.В. Путин на торжественном приеме в Кремле по случаю Дня народного единства. — Именно русский язык был главным выразителем и носителем народного единства, скреплял большой русский мир, который простирается далеко за пределы нашей страны. Русский мир никогда не строился по принципу национальной, этнической исключительности, он всегда был открыт для тех, кто чувствует себя частью России и считает Россию своей Родиной». Так вот в обсуждаемом нами сегодня контексте эта мысль президента означает, что русский язык должен занять твердое место языка межрелигиозного общения.

Поставленная главой нашего государства задача построения отечественной теологической школы, призванной обеспечить фундаментальные основания для полномасштабной социализации ислама в России, подразумевает и возвращение нового типа исламского лидера, способного мобилизовать широкие массы верующих на совершение

благих, консолидирующих общество дел. Но в постиндустриальную эпоху одной харизматичностью и чалмами с расшитыми золотом халатами не обойдешься. Необходимо свободное владение арабским богословским языком, то есть языком мусульманских теологии и права, языком, на котором написано абсолютное большинство важнейших вероучительных текстов. Неплохо было бы освоить и персидский богословский язык, без которого мусульманский дискурс трудно себе представить. Необходимо глубочайшее знание многовековой интеллектуальной традиции в исламе, причем в динамике ее развития.

Но и этого недостаточно, ведь речь идет не о возрождении средневековых взглядов (что мы наблюдаем сегодня сплошь и рядом — как-никак вериги 500-летнего застоя не так-то легко сбросить), а о создании современной школы исламской мысли и не для Аравийского полуострова, а для поликонфессиональной Российской Федерации. Поэтому от деятелей российского ислама следовало бы ожидать широких университетских познаний не только в актуальных разделах философии и социологии, но и в вероучениях дружественных авраамических религий, прежде всего православия.

Двадцатый век прошел под знаком выдающихся богословских трудов, созданных католиками и протестантами. Проблематика этих исследований не менее значима для мусульман, чем для христиан. Современная теология немислима без такой ее ветви, как естественнонаучное богословие, что предполагает немалую эрудицию в области точных наук. Вот те горизонты квалификации, которым должны отвечать сегодня лидеры отечественных мусульман.

Чтобы задача социализации российского ислама, выработки его социальной доктрины не была выхолощена невежами и конъюнктурщиками, не превратилась в маниловский прожект либо в популярный у нас вид чиновного бизнеса — «распил финансов», надо поставить ее на

научные основания в рамках долгосрочной программы действий. И здесь без серьезнейшего осмысления истории исламских социальных учений не обойтись. Необходимы научно-комментированные издания трудов крупнейших мыслителей исламской цивилизации, обращавшихся к вопросам государственного строительства и общественного устройства. На публикацию наследия некоторых из этих ученых у нас наложено вето, но без изучения их трудов картина будет весьма неполной.

Президент уделил особое внимание проблеме научных переводов на русский язык ключевых мусульманских текстов, что неудивительно, ведь ислам — это принципиально книгоцентричная религия, то есть всё его богословие, вероучительные аксиомы, интеллектуальная многовековая рефлексия, культовая и правовая практики сконцентрированы в книгах, прежде всего на арабском и персидском языках. Недаром первыми словами, с которыми ангел Гавриил воззвал к Пророку, стал призыв обратиться к чтению. Для меня, как для издателя научной литературы, затронутая тема особенно близка. Да и многие ли муфтии у нас склонны хоть к какому-то чтению, требующему мало-мальского умственного напряжения?

В деле выпуска исламских классических сочинений лишь научный подход может считаться приемлемым для верующих, поскольку подразумевает точность передачи во всех нюансах оригинального текста, исчерпывающий (исторический, лингвистический, филологический и т. д.) комментарий с обстоятельной статьей, подготавливающей читателя к восприятию произведения: дающей представление об эпохе, дебатировавшихся проблемах, особенностях авторской аргументации, точках зрения оппонентов. В целом всякое непредвзятое, подлинно научное издание не может не отвечать интересам правоверных, как равно и православных с иудеями, поскольку через просвещение будет снижаться уровень межобщинной конфликтности.

В России, имеющей одну из лучших в мире школ перевода художественной литературы с европейских языков, никогда не существовало традиций перевода с большинства восточных языков, не говоря об исламских богословских сочинениях. Хотя преподавание арабского языка насчитывает у нас более полутора столетий, специалистов, владеющих им в богословском преломлении, всегда было чрезвычайно мало. В советские годы их ряды время от времени пополнялись лишь энтузиастами — государству такие специалисты были просто не нужны. Сложившееся за последнюю четверть века положение грозит их полным исчезновением: таких знатоков осталось не более десятка на всё постсоветское пространство, их средний возраст 65—70 лет, молодежи нет вовсе. Профессиональные навыки, которые нарабатываются преемственным трудом поколений, сегодня остаются в головах нескольких человек и с уходом их в мир иной могут быть необратимо утрачены. Дабы исключить кривотолки, подчеркну, что имею в виду лишь тех россиян, результатом деятельности которых являются русскоязычные литературные тексты.

Надо не просто сберечь имеющиеся у отечественных патриархов знания путем передачи их талантливой молодежи, но и заложить российскую школу перевода сочинений исламского богословия как часть проекта по созданию национальной теологической школы.

Профессиональный переводчик мусульманских вероучительных текстов должен быть начитан в важнейших первоисточниках, хорошо ориентироваться в течениях и тонкостях богословской мысли, видеть в мусульманской теологии живое, развивающееся знание, всегда отвечавшее на вопросы, которые ставила перед верующими и обществом жизнь, владеть навыками дотошного ученого-следопыта, чтобы уметь проследить мысль автора в ее развитии, понять, в силу каких причин взгляды мыслителя претерпели изменения. Богословский текст — это

не вещь в себе и не вещь сама по себе, а чаще результат острой полемики, явной или скрытой, и переводчик должен уметь рельефно, во всех нюансах, обнажить ее перед современным читателем. Понятно, сколь мастеровит для этого должен быть такой литератор-изыскатель по части владения русским литературным языком. Столь же блестяще он должен знать историческую эпоху, время, когда создавалось переводимое сочинение, его социорелигиозный контекст, тогдашнюю материальную и духовную культуру, сопутствовавшую ей лексику (впрочем, как и профессиональную лексику, принятую в современной отечественной науке), обстоятельства личной жизни автора, уметь погрузиться в его внутренний мир, вплоть до проникновения в круг его чтения и потаенные думы, «кожей ощущать» питавшую его атмосферу, даже условия быта, вычленив во всей контрастности не только борение идей, но и литературные влияния и заимствования — жанровые и стилистические, открыто перенятые и неосознанно усвоенные.

Знает ли хоть кто-нибудь из собравшихся в этом зале такого переводчика исламского богословия? Думаю, что нет. А ведь ничего особенного я не сказал. Это обычные требования, которым должен соответствовать выпускник Литературного института им. М. Горького, отучившийся в одной из переводческих мастерских.

Если не предпринять срочных и решительных мер, наша страна может на многие десятилетия утратить уникальный багаж умений транслировать понимание духовных ценностей одной культуры, классической мусульманской, в другую — русскую.

Косвенно о драматизме ситуации свидетельствует, в частности, бурный поток дилетантских переводов богословских текстов правоверия — средневековых трактатов, комментариев, житийной литературы, — явление, ставшее порочной нормой для российского исламского книгоизда-

ния. За крайне редкими исключениями эти публикации характеризуют вызывающий непрофессионализм.

Появление на русском языке добротных исламских изданий послужит мощнейшим фактором притяжения к нашей стране русскоговорящих мусульман по всему миру и прежде всего стран бывшего СССР, усилению международного авторитета России, стимулированию интереса к углубленному изучению русского языка и русской культуры.

Итак, необходимо взяться за осуществление научно-комментированного перевода на русский язык ядра исламского богословия — комплекса ключевых вероучительных текстов, с последующим их изданием в составе «Золотой библиотеки ислама».

Начать следует с подготовки и публикации «Энциклопедии канонической Сунны», которой будут охвачены все хадисы Пророка, имеющиеся в шести признанных сводах: ал-Бухари, Муслима, Абу-Дауда, ат-Тирмизи, ан-Насаи и Ибн-Маджи. Хадисы будут сгруппированы по разделам («Бог», «Ангелы», «Пророки», «Молитва», «пост», «брак» и т. д.), подробно прокомментированы и связаны перекрестными ссылками. Каждый раздел будет предварен соответствующими сведениями из Корана. Масштаб и необходимая глубина проработки исходного материала позволят попутно составить арабско-русский терминологический тезаурус по Корану и хадисам, который явится необходимым системообразующим фундаментом для всех предстоящих переводческих начинаний. Будут заложены основы для подготовки научного перевода Корана, учитывающего всю историю его восприятия.

После получения научно-комментированного перевода полного корпуса хадисов, признаваемых исламской традицией, возникнет возможность перейти ко второму этапу — формально-логическому описанию и алгоритмизации Сунны в рамках ханафитского толка ислама, наибо-

лее популярного как в России, так и в целом в Исламском мире. Потенциальная возможность алгоритмизации данного толка изначально заложена его основоположником и эпонимом — Абу Ханифой, прямо заявлявшим: «Никому не дозволено следовать моему мнению, если таковой не знает, как я к нему пришел». С первых шагов формирования данная богословско-правовая школа следовала путем логической рефлексии и целесообразных рассуждений, настаивала, что нормой исламского правотворчества должен быть иджтихад, то есть самостоятельное решение актуальных вопросов ныне живущими авторитетными богословами. Мухаммад Икбал писал об абсолютной логической прозрачности ханафитского мазхаба.

Раз данный толк декларирует строгое соответствие принципам человеческой рациональности, значит, к нему могут быть применены специальные разделы математической логики, получившие бурное развитие начиная со второй половины XX века. Тем самым ханафитский толк будет превращен в операционный инструментарий, доступный широчайшей аудитории пользователей и перестанет быть уделом избранных. После разработки и отладки такой программной интерактивной экспертной системы мусульманского права ханафитского толка можно будет перейти к третьему этапу, а именно развитию современного фикха с учетом специфики России, где мусульмане составляют государствообразующее религиозное меньшинство. В конечном счете, социальная доктрина российского ислама встанет на ясные логические основания, приобретет должную меру гибкости и адаптируемости.

На основе изложенного подхода может быть автоматизировано (в том числе через использование игровой формы — компьютерных игр) и обучение началам других исламских дисциплин. В результате будет обеспечено резкое повышение общего уровня подготовки духовенства, откроются перспективы постановки полноценного дис-

танционного образования, что немаловажно в том числе и для русскоязычного зарубежья.

В тандем к созданию «Энциклопедии канонической Сунны» целесообразно организовать параллельные творческие семинары, на которых ученые, занятые разработкой этой энциклопедии, будут вести занятия со способной молодежью, делиться с ней накопленным опытом. Постепенно выработается представление о том, как должен быть организован соответствующий учебный процесс. Работа над энциклопедией Сунны явится важным шагом в деле создания отечественной школы перевода исламского богословия, ведь этот проект наиболее удобен для отработки методик подготовки профессиональных переводчиков. Со временем появится профильный комплекс учебно-вспомогательной и справочной литературы, возникнет возможность создания национальной «Энциклопедии ислама». Вовлеченная в этот процесс молодежь под руководством отечественных наставников обретет необходимые навыки работы с вероучительными сочинениями, привыкнет к самостоятельному труду на высоком богословском и литературном уровне. В результате сформируется костяк лиц, с которыми будет связано будущее российской школы исламской теологии.

С первых шагов необходимо приступить к формированию компьютерных баз данных — лексических, фразеологических, идиоматических и т. д. — исламской арабо- и персоязычной теологии с приведением русскоязычных соответствий. Без систематического штудирования классической православной литературы, в частности святоотеческого наследия, синодального перевода Библии, сочинений Игнатия Брянчанинова, переводов С.С. Аверинцева, здесь не обойтись. Именно в этих текстах век за веком русскими подвижниками веры нарабатывался необходимый духовный словарный фонд. И в этом отношении мусульмане вполне могли бы опереться на Русскую православную

церковь, в частности, на Духовную академию и коллектив, занятый подготовкой «Православной энциклопедии».

Осваивать следует не только наследие далекого прошлого, но и то интеллектуально значимое, что создается ныне наиболее глубокими мусульманскими мыслителями и исламоведами, в том числе на Западе.

Говоря о возрождении российской школы исламского богословия и права, президент наверняка не предполагал замыкания лишь на немногих отечественных специалистах. Нашу национальную школу должна отличать социальная доктрина, устремленная в XXI век, на благоустроенное будущее, а потому под знаменем школы смогут сплотиться передовые силы Исламского мира, во многих государствах, живущих идеалами Средневековья, неустребованные, а порой и резко отторгаемые. Тем самым Россия предоставит духовное прибежище и покровительство всем, кто всерьез радуется о подлинном счастье для человечества не где-то в занебесном мире, а здесь — на планете Земля.

В 2010 году Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям признало лучшей книгой года двухтомную «Жизнь пророка Мухаммада», написанную ведущими отечественными учеными — Натальей Ефремовой и Тауфиком Ибрагимом и охватывающую практически всё, что знает письменная традиция о Пророке. Это издание вышло под грифом РАН и было одобрено всеми духовными управлениями мусульман страны, рекомендовано ими к использованию в учебном процессе. Ю.С. Осипов, еще недавно президент Академии, вручая данную книгу В.В. Путину, охарактеризовал ее появление как крупнейшее событие в отечественной науке за последние десятилетия. Владимир Владимирович не раз говорил, что россияне должны быть обеспечены качественными изданиями об исламе. Понятно, сколь значимо в этом отношении жизнеописание Пророка, опирающееся на надежные источники

и при этом рассчитанное на самую широкую и взыскательную аудиторию. Казалось бы, чиновники и духовенство должны ухватиться за это издание. Ан нет, ничего подобного. Они делают вид, что его как бы не существует, и продолжают плодить бездарно написанные никчемные книжки — лишь бы бюджетные средства и пожертвования исправно выделялись и осваивались «партнерами и благонадежными сотоварищами».

«У российских мусульманских религиозных организаций есть все возможности для своего широкого позиционирования в современных средствах массовой информации», — констатировал президент и призвал к активному раскрытию этого потенциала.

Но что мы видим на практике? Истеричную исламофобию, захлестнувшую многие федеральные СМИ, и крайне редко появляющееся в массмедийном пространстве духовенство, не способное — за редчайшими исключениями — отстаивать интересы российских мусульман, блюсти чистоту ислама в публичной сфере. Правоверные всё чаще воспринимаются значительной частью иноверцев как чуждые, пришлые, представители иной системы цивилизационных констант, антагонистичных российскому культурному коду. Недаром остро чувствующий эту проблему президент поставил задачу выработки положительного образа традиционного ислама как важной духовной составляющей общероссийской идентичности. Только вот вряд ли телевизионщики, как обычно не считающие эту задачу относящейся к ним, прислушаются к словам главы государства. Ну а представить себе, чтобы действующие муфтии решительно последовали совету президента, я могу лишь только в качестве далеких от жизни мечтаний.

Меж тем у нас в стране уже многие годы функционирует ряд исламских вузов, которые, казалось бы, призваны заниматься всеми обозначенными здесь проблемами, в том числе обучать ораторскому мастерству, искусству

построения проповеди, экзегезе и герменевтике, умению вести открытую полемику. Но результатов, которые могли бы удовлетворить российское общество, финансирующее из государственного бюджета эти организации — причем весьма щедро, — мы, к сожалению, не наблюдаем. Более того, вызывает большие сомнения, что у кого-либо в нашей стране есть ясное понимание, каким квалификационным требованиям должен соответствовать выпускник исламского вуза. Напомню, что эти самые выпускники получают дипломы государственного образца, удостоверяющие, что их счастливые обладатели — это сертифицированные Министерством образования и науки специалисты. Но так ли это на самом деле? Думаю, не так.

Поэтому в рамках идеи президента о создании мусульманских научно-просветительских центров вполне резонным представляется открытие в Москве Высших исламских пятигодичных курсов как второй ступени высшего образования для лиц, успешно окончивших традиционные профильные вузы. Главная задача этих курсов — подготовка исламской элиты страны. Возращивание кадров мусульманской интеллигенции как органической части российской элиты — это не только способ консолидации и качественного упрочнения общества, но и первостепенная задача для государства, видящего свое стратегическое будущее в развитии партнерских отношений с мусульманским Востоком.

Выпускник курсов должен будет глубоко освоить историю исламской мысли и государственности, историю русской и европейской общественно-политической и духовной жизни, в совершенстве овладеть арабским богословским, персидским, русским литературным и английским языками (в последние десятилетия именно на английском публикуются наиболее значимые труды по исламу), уметь квалифицированно переводить религиозные тексты любого времени и сложности, знать теорию и практику шариата

и фикха, основы исламской экономики и сложившиеся в ведущих мусульманских странах экономические и правовые системы, владеть навыками ораторского и полемического мастерства, профессиями богослова, политолога, культуролога, публициста и журналиста. При этом неизменно нужно руководствоваться правилом, как писал Н.В. Гоголь, «калифа Гаруна» (имеется в виду халиф Харун ар-Рашид), которое в изложении гениального русского писателя звучит так: «Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию ее собственного».

Мусульманам следует научиться быть современными. А это предполагает не начетничество с зазубриванием отдельных фраз (как ныне распространено и буквально насаждается в религиозных образовательных учреждениях), но умение убедительно и компетентно рассуждать, причем на понятном для окружающих, в том числе немусульман, языке. «Священнослужители, — по мысли В.В. Путина, — должны быть людьми образованными и просвещенными, способными дать четкую и канонически безупречную оценку острым современным вызовам и угрозам». Мы же добавим, что глубокие и серьезные книги в этом плане — лучшие наставники.

Со временем на базе Высших курсов целесообразно было бы создать Onlain-университет. В итоге русскоязычные мусульмане мира получили бы профессиональный портал дистанционного религиозного образования, отвечающего всем современным требованиям. Уже сейчас на таком портале могли бы выкладываться видеозаписи лекционных курсов, читаемых крупнейшими отечественными и зарубежными специалистами (не только арабами, персами и азиатами, но также европейцами и американцами) с синхронным переводом на русский язык и врезками, поясняющими русскоязычной аудитории сложные места, затронутые лектором.

Президент призвал к новым формам работы — через мусульманские культурные и научно-просветительские центры, молодежные и женские клубы. В моем понимании, речь идет о мощной федеральной сетевой структуре по социализации ислама в России. Но что понимать под ее ключевым звеном — мусульманским культурным и научно-просветительским центром? Так ведь это не что иное, как... классическая мечеть. Не то утилитарное здание с безголосыми минаретами, к которому мы все привыкли, где правоверные собираются, чтобы совершить намаз и выслушать пятничную проповедь, и тем всё ограничивается. А это такой комплекс сооружений, куда при Пророке и его праведных преемниках мусульмане стекались не только на молитву, но не в последнюю очередь для обсуждения насущных вопросов современности, для осмысления Корана и Сунны в свете задач, встававших перед уммой и государством, то место, где ведущие наставники и мыслители преподавали ученикам («искателям знаний», как их называли) свои дисциплины. Между прочим, исламским в самом широком понимании считается всё научное знание. Науки о Коране, хадисе и фикхе соседствовали в мечетях с такими «искусствами», как математика, медицина, астрономия, химия, история, литература и языкознание, а также музыка как отраслевая математическая дисциплина. Недаром мечети выполняли и функции скрипториев, то есть мастерских по переписыванию рукописей. В мечетях проходили открытые общественные обсуждения наиболее животрепещущих проблем, судебные заседания, богословские и научные диспуты, выводы из которых непосредственно сказывались на принятии государственных решений. В мечети Пророк бегал наперегонки со своей любимой женой Айшей, устраивал состязания копьеметателей. Поэтому в ансамбль мечети включались и спортивные сооружения. В общем, классическая мечеть, та, какой ее задумал Мухаммад, — это центр интеллектуальной, как

богословской и научной, так и общественной, жизни. Мечеть — это не только политический организатор, но и пропагандист здравомысленного образа жизни.

Европейцы, открывшие для себя в пору крестовых походов мусульманский Восток, переняли идею мечети как богословского, просветительского и культурно-образовательного центра и оформили ее в идею... университета. Что характерно, в позднее Средневековье, на заре становления европейской высшей школы, университет представлял собой отнюдь не здание с учебным оборудованием и земельными владениями, но прежде всего это было некое профессиональное сообщество ученых (их тогда называли «продавцами знания»), сообщество наподобие цеха или гильдии. Как известно, первые университеты появились на исходе XI века, когда начавшие стремительно развиваться западноевропейские страны стали испытывать острую потребность, говоря современным языком, в профессиональном менеджменте. Так вот именно университеты определили облик современной западной цивилизации, стали локомотивами ее развития, именно университетам обязаны своим возникновением на исходе XIII века европейские элиты — светская и церковная, через столетие в подавляющем большинстве уже увенчанные степенями, присваивавшимися в стенах этих учебных заведений. И когда недавно мировое сообщество потряс сильнейший экономический кризис, именно о кризисе университетов, об утрате ими своей роли заговорили главы западноевропейских стран, а Николя Саркози, например, экономя на всем подряд, выделил дополнительно 20 млрд евро для поддержания французской вузовской системы.

Повторюсь, поскольку это очень важно в контексте нашего обсуждения: в основе успеха европейской системы образования, обеспечившей научное и экономическое лидерство западного цивилизационного проекта, лежит концепция мечети, заповеданная человечеству пророком

Мухаммадом. Любопытно, что даже привилегия экстерриториальности современных европейских университетов по отношению к полиции есть не более, чем эхо понимания мечети как убежища, защитного покрова Божия для гонимых, вольнодумцев и инакомыслящих.

Давайте порассуждаем, что из себя должен был бы представлять мусульманский культурный и научно-просветительский центр в Москве — стольном граде двух мировых религий: православия и ислама. Но если с православием у нас значительная часть проблем решена или всю решается, то перед исламом президентом поставлены принципиально новые задачи. Социализации российского ислама, на мой взгляд, естественным образом должно сопутствовать всестороннее развитие отношений нашей страны с Исламским миром, прежде всего экономических. Данное соображение мы будем учитывать при дальнейшем изложении концепции Московского исламского культурно-делового центра.

Как известно, недавно столица приросла значительными землями, на которых планировалось разместить ряд федеральных учреждений. Но сейчас от этой идеи отказались. А потому есть все возможности, чтобы подкрепить программу президента адекватным по масштабности замыслом.

Стержнем центра призван стать Международный открытый исламский университет, в котором будут обучаться не только россияне, желающие посвятить себя духовному служению людям, но и те из наших соотечественников, кто хотел бы заняться развитием бизнеса на Ближнем и Среднем Востоке, в Азии и Африке. Парадоксально, но ни один из российских вузов не готовит таких специалистов. В аудитории университета придет и молодежь Исламского мира, заинтересованная в изучении российской школы мусульманского богословия и права, русского языка и отечественной культуры, устремленная к развитию деловых отношений

с нашей необъятной страной. Профессорско-преподавательский корпус составят ведущие специалисты мира. Они же могли бы выступать с лекциями для самого широкого российского слушателя. При университете должна быть открыта бизнес-школа (по аналогии с Лондонской школой экономики и Московской школой управления Сколково), студенческий городок со всем комплексом сопутствующих культурно-спортивных учреждений.

Чтобы исключить путаницу, подчеркну, что — в отличие от Высших исламских курсов, ориентированных на подготовку отечественной духовной и интеллектуальной мусульманской элиты, — приоритетной задачей Международного исламского университета станет обеспечение профессиональными кадрами сферы экономических отношений геополитической связки «Россия — Исламский мир».

Само собой разумеется, важнейшей частью Культурно-делового центра должна стать Соборная мечеть примерно на 100—150 тысяч человек, с грандиозным парком, оранжереями, водоемами и фонтанами — земным воплощением образа Рая, описанного в Коране и Сунне (по аналогии с таким чудом света, как потрясающий комплекс мечети-мавзолея Тадж-Махал). Этот архитектурный ансамбль будет воспринят москвичами и гостями столицы как настоящий праздник души, именины сердца, поскольку на карте Москвы появится излюбленное место отдыха для всей семьи. Раз и навсегда будет исключена ситуация с протестами против строительства мечетей, останутся в прошлом конфликты, которые мы наблюдаем сегодня в Москве и ряде других регионов. Просто эту работу надо грамотно организовывать.

Поясню свою мысль. Одна из фундаментальных идей исламского миропонимания выражена хадисом «Бог прекрасен и любит красоту». Красота — это основа возведенного Всевышним мироздания, причем возведенного во благо человека, а потому истинно прекрасным в глазах му-

сульманина может быть только то, что нравственно, полезно и целесообразно, то, что отвечает идее соразмерности и согласованности, гармонии Божественного мироустройства. Отсюда вытекает, что миссия зодчего, настроенного на «исламскую волну», — воспеть гимн Творцу Вседержителю, исполнив в камне такую оду прекрасному, которая не только распахнет духовное око верующего горнему миру, то есть настроит сердце на сакральную перспективу восхождения к подлинной красоте, но и, говоря приземленно, будет радовать глаз обывателя, облагородит архитектурный ландшафт и конечно же социальную среду — среду конфессионально неоднородную у нас в России. Как видим, если парадигме ислама следовать строго, то неприемлемых конфликтов и неразрешимых проблем в связи с планированием храмового строительства возникать на местах вообще не должно. Нужно взять за правило проводить открытые конкурсы, привлекать к участию в них ведущих зодчих мира, обсуждать всем местным населением предлагаемые решения. И помнить: речь идет о земном отражении Рая небесного, а в Раю не бывает некомфортно, какие бы вероубеждения человек ни исповедовал.

Вернусь к остальным элементам Исламского культурно-делового центра столицы, обозначу их лишь пунктиром. В этот центр должны были бы войти:

- Музей ислама с экспонатами из фондов ведущих отечественных и зарубежных собраний и фондохранилищ;
- Центр исламских финансовых инструментов как составная часть Международного финансового центра, создаваемого в столице;
- представительства ведущих инвестиционных банков и компаний, промышленных групп из профильных стран;
- экспо-центр;

- мусульманские поликлиника и больница со стационаром;
- лицеи и воскресные школы, интернат для особо одаренных детей;
- киноконцертные и лекционные залы, универсальная библиотека;
- молодежные и женские клубы.

Думаю, не нуждается в особых обоснованиях уверенное ожидание того, что Исламский культурно-деловой центр столицы, возведенный целиком, со всеми инфраструктурными коммуникациями, вплоть до станций метро, на средства заинтересованных зарубежных пайщиков, привлечет в страну многомиллиардные инвестиции, создаст для россиян тысячи высокооплачиваемых рабочих мест.

В составе федеральной структуры учреждений российского ислама целесообразно было бы предусмотреть сеть детских лагерей отдыха (вроде «Артека») как часть международной сети совместных детских лагерей России и Исламского мира, в которых молодежь этих регионов могла бы проводить каникулы, изучать языки и культуры друг друга, завязывать товарищеские отношения, закладывая на многие столетия поколенческое побратимство наших народов.

Чтобы исламская молодежь России училась противостоять челоовеконенавистническим взглядам, отличающим крайние формы религиозного радикализма, я бы посоветовал проводить выездные школы исламского актива, на которых ведущие ученые и богословы, политики и государственные деятели, психологи и террологи участвовали бы в дискуссиях, читали лекции, делились опытом, проводили деловые игры, вырабатывая у слушателей иммунитет к мировоззренческим перверсиям, формируя бойцовские качества, позволяющие давать отпор заблудшим и вместе с тем опасным для общества верующим.

Вернемся к социальной доктрине российского ислама, без которой никакая реальная социализация не получится.

Первым делом зададимся вопросом: кто конечный адресат данного доктринального послания? Конечно же это весь российский народ, лишь пятая часть которого — исповедники ислама, с именем которых собственно и связывается авторство обсуждаемой доктрины. А какова в таком случае ее главная цель? Ответ: консолидация общества в деле эффективного развития страны (в нынешних конкретных условиях, на данной территории, с вполне определенным историческим и культурным наследием), причем общества поликонфессионального и в значительной своей части стоящего пока еще на позициях атеизма. Отсюда — два подхода, которых искомый документ должен непременно избегать: во-первых, это не может быть пособие по изучению ислама (введение в религию, ее историю, основания, аксиомы и проч.) либо разъяснение сложных вопросов данного вероучения, адресованное невежественным (в том числе впадшим в радикализм/экстремизм) верующим; и, во-вторых, это не может быть агитка за ислам, призванная «перековать» иноверцев и атеистов. Как следствие, нужный нам документ должен быть полностью свободен от терминологии, специфичной для мусульман (преимущественно арабоязычной). Напомню, что Коран и Пророк призывали обращаться к людям на понятном им языке. А потому доктрина должна быть написана безупречным русским литературным языком, языком, которым владеют все россияне.

По сути, необходимо разработать документ совершенно нового типа, причем документ, способный пробудить к себе интерес прежде всего у немусульман. Именно по характеру реакции на него немусульман можно судить о том, сколь удачной стала та или иная попытка. Именно по тому, сколь неравнодушным стало к нему общество, можно говорить о том, приблизились ли его разработчики к заветной цели.

Ранее я сказал, что отсталое государство не может считаться исламским. Но каковы должны быть критерии, позволяющие определить государство как подлинно исламское? В социальном плане это:

- отношение к каждому человеку (независимо от вероисповедания) как к храму Божьему, а потому — приоритет развитию личности, способностей, которыми Творец наградил человека в момент рождения, вдохнув в него от Своего Духа, и отсюда — культ детства и материнства, института семьи, приверженность передовому, что важно — бесплатному, образованию и высокоинтеллектуальному труду сообразно наклонностям индивида, самообразование, духовное и физическое самосовершенствование, здоровый образ жизни и приоритет здравому смыслу (вы вслушайтесь только в эти слова: раскрытие в каждом ребенке заложенного в него Богом таланта и затем развитие выявленного дара посредством качественного образования как прямая ответственность государства — ну чем не идея, которая способна объединить нас всех, то есть национальная идея, которую никак не удастся отыскать?!);
- бережное отношение к окружающему миру, принадлежащему Богу и отданному человечеству в доверительное управление;
- для грамотного исполнения последнего — постоянное приобретение новых знаний о вселенной, что обеспечивают лишь науки;
- развитие общества на их основе;
- социальная справедливость, в частности, равный доступ к общественным благам, защита нуждающихся и престарелых; заработок — по труду, нетерпимость к несправедным доходам, всякого рода иждивенчеству и тунеядству;

- защита иноверцев;
- безусловное соблюдение требования, чтобы общественные должности занимались наиболее достойными и способными гражданами, а отсюда — необходимость постоянного развития демократических процедур и институций, отстаивание гражданских прав и свобод каждого человека;
- основной способ выработки общественно значимых решений — конструктивный диалог.

Главная задача российской школы исламского богословия — обеспечить россиян мусульманского исповедания такой религиозно-мотивированной социальной доктриной, которая усилит их гражданские и патриотические позиции, укрепит душевное благополучие, оздоровит социальный климат, поставит надежный заслон вредным для России воззрениям, позволит выработать платформу для консолидации действий всех признаваемых государством конфессий по умоощнению и экономическому подъему нашего отечества.

Оптимальной богословской платформой для такого межконфессионального сотрудничества во благо всех россиян является авраамизм, когда на дальний план отодвигаются культовые отличия и верующие сплавиваются на основе социальных ценностей единобожия, в частности, тех ценностей, которые я обозначил, характеризуя подлинно исламское государство.

К сожалению, авраамический подход не был определяющим при разработке для средней школы учебников по основам культур иудаизма, христианства и ислама. Грубое методологическое упущение состояло в том, что основное внимание было уделено именно культовым отличиям. А это способствует не столько просвещению и толерантности, сколько обострению межконфессиональной ревности и, в конечном счете, расколу общества. Косвенно

в межрелигиозном размежевании заинтересованы священнослужители, кормящиеся от «святых даров», в силу чего государство не может безоглядно полагаться на них в таком болезненном вопросе, как образование школьников. Последствия изучения указанных предметов нашими детьми в сегодняшней школе не могут не вызывать самую серьезную озабоченность.

Хочу особо остановиться на еще одном важном моменте: впервые, насколько я могу судить, президент не стал говорить о силовой составляющей борьбы с экстремизмом. Напомню, что его речь прозвучала на следующий день после теракта в Волгограде. Высшей властью ставка сделана на просвещение. Никакими силовыми методами, никакими акциями устрашения и мерами по ужесточению наказаний, чем усердно занимается Госдума, мы радикализм из жизни страны не исключим. Только путем просвещения. Лишь правильно понятый ислам является основой для преодоления окрашенных им радикализма и этнорелигиозных конфликтов. Причем ислам, правильно понятый не только мусульманами, но и немусульманами.

Согласно принятому в России контртеррористическому законодательству, ответственность по профилактике радикализма в религиозной жизни целиком и полностью возложена на ФСБ. Меж тем данная служба в принципе не может заниматься указанной деятельностью с должной отдачей, поскольку в основе религиозно мотивированного радикализма лежит искаженное мировосприятие, формируемое в духовной сфере. Законодателям надо освободить ФСБ от несвойственного ей груза и переложить его на тех, кто «патрулирует» духовное пространство, получая на эти цели немалые средства (хотя как это сделать, когда Церковь отделена от государства, я, ей-богу, не знаю). Заодно поубавится резонансных перегибов на местах.

Ислам — это религия жизни, а не религия смерти. И отвечать за коррекцию вот такого извращения вероучения

ФСБ не может, а духовенство не просто может, но и обязательно. Обязательно не только перед людьми, но и перед Господом Богом. «Инициатива должна перейти к вам, — сказал президент, обращаясь к муфтиям, — нельзя ее упускать в руки неформальных лидеров, ведущих активную работу среди верующих». Говоря о трудовых мигрантах-мусульманах, глава государства подчеркнул: «Они должны слышать ваш голос, чувствовать ваше участие, в противном случае они становятся объектом пропаганды различных фундаменталистских структур». Услышали ли президента лидеры российского ислама, покажет жизнь. Барометр здесь — мусульманская молодежь. Ну а пока у нашего духовенства — «тишь да гладь да Божья благодать».

В начале выступления я сказал, что не представляю, какая из госструктур должна взять на себя ответственность за реализацию программы президента по социализации отечественного ислама, программы, от успешности выполнения которой — а это огромный труд на многие годы — будет прямо зависеть успешность нашего главного общенародного проекта под названием «Процветающая Россия». Пользуясь тем, что на данном заседании присутствует заместитель начальника Управления внутренней политики Администрации Президента Михаил Владимирович Белоусов, я хотел бы высказать настойчивое пожелание, которое, думаю, одобрит абсолютное большинство мусульман России, а также немусульман: держать на особом контроле ход воплощения идей Владимира Владимировича, не допустить их забалтывания кабинетными лжепатриотами, деловарами и проходимцами от религии, отставными чиновниками, растерявшими всякую совесть, ныне на публике рвущими горло в защиту интересов российских мусульман, а еще недавно нагло их обкрадывавшими.

Россия стоит перед историческим выбором — или ислам будет взят нашей страной в фактические союзники, что

подразумевает уделение самого пристального внимания его социальному учению и доктрине, или контртеррористическими операциями будет в итоге покрыта вся страна.

Правильный подход по отношению к правоверным состоит не в том, чтобы прилагать максимум усилий к жесткой нейтрализации и силовому подавлению религиозно мотивированного активизма (а это остов проводившейся по сию пору внутренней политики), но в том, чтобы поставить этот активизм на службу государству и обществу. Последнее же возможно только в случае создания национальной школы исламского богословия и права, организации профессионального религиозного образования и грамотной кадровой политики, как в плане госслужащих, так и в отношении духовенства.

В последние годы отчетливо обозначилась общемировая тенденция — постепенный выход на передовые рубежи очнувшегося от многовековой спячки Исламского мира, решительным действием выражающего свое отношение к правящим режимам с их вестернизированными элитами. Волны арабских революций — это только начало тех тектонических сдвигов, которые определяют лицо грядущего. Исламская солидарность, безусловно, не оставит равнодушными многие миллионы россиян, которые, без всякого сомнения, не будут сторониться тех процессов, которые захватят братьев по вере. В создавшихся условиях, с учетом того, что волна мигрантов-мусульман в Россию только нарастает, задача выработки новых подходов в отношении исламской общины страны становится не правом свободного выбора, а делом жесткой необходимости. Важно, чтобы происходящие перемены не только не ввергли наше государство в хаос, но, напротив, серьезно укрепили позиции России в мировом сообществе.

У Российской Федерации есть все шансы предложить Исламскому миру образец ускоренной модернизации страны, мотивированной исламским активизмом, и, продемон-

стрировав бурный экономический рост, стать признанным лидером Исламского мира при сохранении ведущих позиций в мире христианском.

Россия или окажется полюсом вселенского притяжения как для христиан, так и для мусульман, оплотом мировой духовности, властителем дум для интеллектуалов на всех континентах, глобальной экономической сверхдержавой, в общем, сердцем мира, или будет отброшена на обочину мировой цивилизации. Иного не дано!

Благодарю за внимание.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Возможные направления просветительской деятельности

- Проведение открытых творческих конкурсов (соревнований, викторин) (кино-, фото-, театральные, массмедиа, песенные, поэтические и т. п.) антирадикальной направленности, Трибуны молодежного межконфессионального диалога, Форума толерантности.
- Проведение международных мероприятий (спартакиад, театральных, кино-, музыкальных, танцевальных фестивалей) с участием исламской и неисламской молодежи, под общим девизом «Терроризм — наш общий враг».
- Проведение региональных конкурсов и викторин среди студентов и школьников на предмет лучшего понимания социальной доктрины ислама в контексте животрепещущих проблем с местной спецификой.
- Проведение международного конкурса по переводу богословских трудов с арабского языка на русский. Такое состязание неплохо было бы проводить и в отношении художественных текстов, прежде всего арабской поэзии.
- Проведение межконфессионального (монотеистической ветви) состязания на лучшее знание российскими мусульманами основ православия и иудаизма, православными — основ ислама и иудаизма и т. д. Это потребовало бы формирования команд эрудитов и вызвало бы не

меньший интерес, чем игры «всезнаек» на федеральных телеканалах; легко представимо телесостязание, аналогичное «Умницам и умникам», на глубину владения аксиомами мировых религий.

- Проведение классного часа в средних школах на одну из тем: «Почему террорист — преступник перед Богом и людьми?», «Как быть, если крепнет внутреннее убеждение, что земная жизнь утратила всякий смысл (ценность)?», «Можно ли попасть в Рай, незаконно погубив свою или чью-либо жизнь?»
- Организация в подростковых аудиториях (в выездных лагерях, летних школах и т. п.) ситуативных (ролевых) игр, в которых одна из сторон отстаивает точку зрения террориста-смертника, а другая — его оппонента. К подготовке методических разработок следует привлекать не только религиоведов, но и психологов соответствующей специализации, и главное — не пытаться превратить человека, готового расстаться с жизнью, а тем паче того, кто его настроил на смерть, в зомби, идиота, шизофреника либо того, кому просто хорошо заплатили, и он приготовился убивать.
- Организация лекционных выступлений в России крупнейших зарубежных богословов, специалистов по шариату и фикху и ведущих исследователей ислама и мусульманского мира. Сочетание публикации русских переводов наиболее значимых трудов современных ведущих исламоведов и теологов Запада и Востока с последующим посещением ими нашей страны должно лечь в основу стратегии позиционирования России как «сердца мира» (а не глубоко ошибочного умозрительно-го (межеумочного) «евразийского моста между цивилизациями»).
- Проведение передвижных выставок, посвященных научным и научно-техническим достижениям исламской цивилизации. Подобная выставка, организованная англ-

лийскими специалистами, побывала во многих странах мира; хорошо бы пригласить ее и в Россию.

- Проведение фотовыставок, посвященных различным аспектам истории и культуры исламской цивилизации, сегодняшнему дню мусульманских государств; проведение ежегодного Международного конкурса фотографии «Вселенная ислама»; организация международных музыкальных и кинофестивалей, фестивалей искусств, спартакиад и универсиад исламской молодежи, съездов исламской интеллигенции; учреждение в России и странах Исламского мира международной сети детских лагерей отдыха (с целью фундаментальной консолидации вокруг нашей страны будущих поколений мировой уммы).
- Проведение на российской интернет-площадке Международного ежегодного конкурса архитектурных проектов культовых сооружений ислама (потенциальные партнеры: правительство одного из «мусульманских регионов» России, Российская академия художеств, Московский архитектурный институт, признанные в мире архитектурные бюро, известные зодчие, дизайнеры, художники, искусствоведы и религиозные деятели) с последующей организацией в Москве выставки макетов победивших проектов. Лауреатство вовсе не означает, что проект автоматически получает статус объекта, подлежащего обязательному возведению (достаточно выдачи диплома и банковского чека). Главное — в другом: такого рода конкурсы позволят решительно преодолеть закрепившуюся в России порочную практику строительства порой помпезных и при этом совершенно вторичных, а то и вопиюще бездарных в художественном отношении мечетей и перейти к возведению культовых сооружений, которые не только пополняют сокровищницу высших достижений художественного гения мусульманских зодчих, наследием которых восхищается всё человечество, но и станут излюбленными местами для

посещений местным населением и центрами притяжения туристов со всех концов мира. Последнее — норма для стран, на территории которых расположены прославленные архитектурные шедевры, в том числе религиозные.

- Комплектование печатными, электронными, аудио- и видеоизданиями по исламу городских, вузовских, школьных, армейских и тюремных библиотек.

Задачи текущего момента

- Реконструировать методики индуцирования у верующих религиозного фанатизма, а также методики религиозной радикализации протеста, продемонстрировавшие свою эффективность в России, для чего в партнерстве с Национальным антитеррористическим комитетом:
 - (а) составить психологические портреты осужденных мусульман-экстремистов и через изучение их личностей и судеб вычленив конструктивные элементы искомым методик;
 - (б) систематизировать основную аргументацию экстремистских интернет-ресурсов и печатных изданий;
 - (в) разработать инструктивные материалы по противодействию выявленным методикам и псевдошариатским обоснованиям социальной деструкции.
- Сформировать фокус-группы из школьников и начать отработку технологии проведения всероссийской олимпиады по основам религиозных культур.
- Сформировать творческую группу для создания комплекта учебников и учебных пособий с методическими материалами по исламу для средней и высшей школы.

**Юрий
Михайлов**

Деинтеллектуализация российского ислама

Почему чиновники проигнорировали
«Уфимские тезисы» В.В. Путина?*

Как известно, в социальном преломлении ислам — это образ жизни, жизни богоугодной, ведь жизнь истинно верующего во всех ее проявлениях есть служение Богу, причем служение не навязанное, не вынужденное, а наполненное осмысленным усилием человека к указанному служению, усилием его воли. Воля же координируется разумом, — этим Божьим даром, призванным не только уберечь человека от идолослужения и своеволия, но и обеспечить способность осмысливать и реализовывать на практике праведную модель поведения в этом мире, описанную, как общеизвестно, в двух главных источниках ислама — Коране и сунне пророка Мухаммада, то есть, с одной стороны, в прямом обращении Бога к человечеству, венчающем традицию откровений, а с другой — в образе жизни «совершенного человека», идеально воплотившего так называемый «прямой жизненный путь». Когда отсутствуют коранические инструкции на то, как следует поступать в конкретных

* Впервые опубликовано на сайте информационного агентства «Регнум» 2 июля 2014 г.

жизненных обстоятельствах, правоверному надлежит следовать примеру Пророка. Поэтому Коран и его главнейшее толкование, сунна Пророка, образуют, по сути, исламский Закон Божий, соблюдение которого обеспечивает законопослушнику посмертное вхождение в райские чертоги. Таким образом, земная жизнь человека предстает своего рода затянувшимся экзаменом на пороге подлинной жизни, и того, кто испытание не выдерживает, ожидает, прямо скажем, прискорбная участь.

Резюмируя этот вероучительный экскурс, мы можем вычленить переменные величины той проблемы, которую нам предстоит обсудить в их совокупности и социальном срезе. Таковых переменных четыре, это «воля и разум» плюс «Коран и Сунна». Но на деле переменных оказывается всего две, если иметь в виду, что, согласно Корану, наличие одновременно воли и разума служит отличительным признаком такой твари Божьей, как человек (джиннов в данном случае во внимание не принимаем). В результате мы получаем концептуальную пару: человек и Закон Божий. Вариативность в «конгруэнтности» друг другу этих переменных, встречающаяся в нашем мире, определяет всю палитру наличествующих сегодня социальных следствий, маркированных исламом. Кто-то может возразить: в Коране не раз говорится о том, что человек беспечен и забывчив, что это две сущностные черты людского естества, а поэтому кодификация человека как переменной величины не вызывает сомнений, но как можно говорить в таком ключе о Коране и Сунне?

Речь я веду конечно же не о том, что надвременной Коран хоть в чем-то претерпевает изменения или что священное мусульманское предание вдруг с годами оказывается подверженным каким-то метаморфозам. И даже не о том, что у Корана есть скрытые смыслы и существует семь уровней его понимания, в полной мере доступных лишь посвященным, и не о том, что многовековое осмысление Сунны

вылилось в конечном счете в рамках суннитской ветви ислама в четыре богословско-правовые школы. И уж тем более я не затрагиваю шиизм. Так вот речь всё же о другом — об индивидуальности каждого человека и, как следствие, субъективности нашего восприятия. Субъективности, рождающей определенную социальную практику, порой прямо вторгающуюся в жизнь немусульман.

Для мусульман Коран — это запечатленное в неискажении Слово Господне, но Слово, не когда-то разово прореченное Всевышним, а потом записанное. Это живоговорящее и никогда не смолкающее Слово, озаряющее сердца правоверных по-новому всякий раз, когда они из страха заплутать во мраке стихий земного мира взыскуют путеводящего светоча. Мы меняемся, и вместе с нами меняется наше восприятие предвечного и неизменного Корана, а потому, с позиции нашей субъектности, он оборачивается к нам новыми, неприметными ранее гранями. Всякий раз, задавая границы открытости Своей Книги, Всевышний возвещает Сам о Себе и о Своем Творении в той мере, какую полагает уместной на данный момент и для данной личности. Именно во вневременной природе Божественного Писания и его свойстве обнажаться новыми смыслами заключена возможность актуального богословского творчества, а вместе с тем и необходимой пластичности исламской повседневности, позволяющей учитывать текущие реалии. Поэтому столь значим характер усвоения Корана верующим, столь важно, какие именно аксиомы он воспринимает для себя в качестве руководящих указаний по жизни. Схожую цепочку рассуждений несложно воспроизвести и в отношении Сунны.

Раз эволюция нашего мира отражает проявление креативной воли Бога, то и осознание сообразной этому нескончаемой череды событий также должно быть современным и непрерывным. Но есть ли основания вести речь об актуальном богословии и правотворчестве в российском му-

сультманском сообществе? Если не принимать во внимание редчайших попыток, фактически никак не сказывающихся на общей ситуации, то отрицательный ответ очевиден.

Процветающая в отечественном правоверии интеллектуальная дистрофия рождает его догматизацию с присущей ей унификацией мышления, речи и поведения. Теологический дискурс и социальная практика времен Средневековья, некогда обеспечивавшие высочайшие темпы развития Исламского мира, его лидерские позиции на планете, деинтеллектуализируются, мумифицируются, абсолютизируются и переносятся в наши дни как уникальная экспертная машина на все времена, порождая чудовищные мутации религии. Сон разума не позволяет погруженным в него верующим воспринимать ислам таким, каков он есть на самом деле. Поэтому в головах подобных адептов учения возникает искаженная версия ислама. Но трагедия состоит в том, что, не сознавая пораженности вероучения в собственном сознании и будучи убеждены, что именно им ведомо, чего на самом деле велит Бог, такие верующие калечат не только свои жизни, но и самым пагубным образом влияют на судьбы окружающих, порой не останавливаясь ни перед чем в конфликте с несогласными. Превращение истово верующих в манкуртов, роботов, зомби — всё это черты нашей действительности, не знающей живой богословской традиции.

Стоит лишить правоверие рациональности, то есть оставить один на один с людскими страстями — главным инструментом Сатаны, как оно неизбежно деградирует в суеверие, крайний мистицизм и радикальный фундаментализм. Донельзя догматизированный и архаизированный ислам — это уже и не ислам вовсе, а его полная противоположность, нечто вроде схоластического авторитаризма. Недаром Пророк говорил: «У кого нет разума, у того нет и веры», да и Коран в целом обращен к «людям разумеющим». Подлинно верующий — это уже далеко не тот

слепец, который скрупулезно скопировал в себя веру как систему запредельной пониманию ортодоксии. Но именно это последнее мы наблюдаем как превалирующую модель нынешнего исламского образования не только в России.

И вновь мы возвращаемся к названным мною переменным величинам — разуму и свободе воли. Какой же социальной практики можно ожидать, если первый парализован, а вторая вследствие этого — бесконтрольна? Неудивительно, что время от времени нашу страну сотрясают террористические вспышки религиозно окрашенной агрессии.

Чтобы ситуацию переломить, нужно вернуться к исламу, возглашенному пророком Мухаммадом, а таковой немислим в отсутствие мощной интеллектуальной практики. Последняя, в свою очередь, сегодня подразумевает не просто блестящее владение первоисточниками, но и знание всей традиции их полуторатысячелетнего истолкования в рамках менявшегося исторического фона, с тем чтобы можно было данную традицию продолжить в контексте российской социально-политической реальности. Всем этим давно пора заниматься. Для этого имеются все условия, ведь ежегодно государство выделяет мусульманскому сообществу и тем, кто кормится от этих щедрот, их обслуживая, многие сотни миллионов рублей. Денег хватит на всё, если тратить их по делу и если еще останутся в работоспособном состоянии те несколько уникальных специалистов, которые — на сегодняшний день единственные — могут с этой работой справиться.

Сказанное мною, думаю, очевидно, не раз озвучено в разных аудиториях и персонально разжевано разным чиновникам, вплоть до высокопоставленных. Но ничего не меняется! Мы не имеем ни приемлемого перевода Корана, ни надежного перевода канонического свода хадисов. А раз нет адекватных переводов на русский язык первоисточников и того, что составляет золотой фонд духовного насле-

для исламской цивилизации, раз не восстановлена живая ткань мусульманского интеллектуализма, значит, не может быть и всего остального — хороших учебников и справочников, профессиональной системы образования, эффективных методик противодействия радикализации религиозной сферы. Любительщины, дилетантизма и полуфабрикатов хоть отбавляй. Но, как известно, даже неправильно поставленная в документе запятая порой сказывается на людях самым драматичным образом. А в нашем случае речь идет о донесении до общества ни много ни мало Закона Божьего — закона, стоящего в глазах верующего несравненно выше любого светского законодательства. Не правда ли странно, что именно из этой — определяющей всё остальное — сферы государство фактически самоустранилось? Значит, это кому-то очень выгодно, пусть даже и от террора гибнут люди. Дошло до того, что в прошлом году, 22 октября, в Уфе на встрече с муфтиями духовных управлений мусульман России Владимир Путин прямо потребовал заняться социализацией российского ислама, вытянуть его из трясины Средневековья и сделать опорой развития страны. 4 декабря прошлого года я выступил на круглом столе в Общественной палате России с разъяснением основных положений сказанного Владимиром Владимировичем. В самом начале своего доклада я произнес следующие слова: «Для меня остается большой загадкой, кто в нашей стране будет нести персональную ответственность за реализацию задач, поставленных президентом, — Минобрнауки, Минрегионразвития, ФСБ, Совет Безопасности, Администрация Президента, еще кто-то? Все они так или иначе причастны к положению дел с исламом, но кто именно отвечает головой, я не знаю. Ведь не с духовных же управлений должен быть спрос, пусть даже они и проедают огромные средства».

В общем, я как в воду глядел. Чиновниками требования Президента России были просто-напросто нагло проигно-

рированы. Подобного вопиющего безобразия наша страна еще не знала: по итогам выступления главы государства не вышло ни одного поручения. Саботаж был прикрыт внешне благовидным объяснением. Вот как оно звучало: «Президент обращался к муфтиям. Пусть они и разбираются с названными им проблемами, а мы умываем руки».

Думаю, что не открою ничего нового, если скажу, что, работая над своей беспрецедентной речью, носящей программный характер, президент прежде всего имел в виду искоренение питательной среды, систематически порождающей в нашей стране террористические катаклизмы. Сколь же циничными и аморальными должны быть те функционеры во власти, для которых жизни наших безвинно гибнущих соотечественников представляют меньшую ценность, чем беспроблемное кабинетное благополучие раздувшихся от собственной значимости чинуш. Ведь ясно же, что в большинстве своем российское мусульманское духовенство испытывает сегодня серьезные проблемы в плане профессионального соответствия требованиям времени. Очевидно, что ожидать от него каких-либо конструктивных действий, способных ощутимо повлиять на ситуацию, значит заниматься по меньшей мере самообманом. И прошедшие восемь месяцев с момента выступления президента — прямое этому подтверждение.

Профилактика религиозного радикализма — это инструментальная проблема, поскольку она предполагает определенный алгоритм действий, дающих прогнозируемый результат. Признание проблемы как инструментальной прямо подводит к персональной ответственности за эффективность ее решения. Но сегодня ни о какой инструментальности «уполномоченные товарищи, с погонями и без», и слышать не хотят, поскольку тогда за провалы придется отвечать головой, а компетентности им явно не хватает, причем некоторые и не скрывают, что знать ничего не желают. А потому неудивительно, что мы не можем

назвать ни одного человека и ни одного учреждения, которое бы несло всемерную ответственность за профилактику террористической угрозы в нашей стране. Да, у нас есть ФСБ, но сфера ее деятельности не может распространяться на духовность и религиозное правотворчество, если же ее туда распространить, ничего хорошего не выйдет. Это всё-таки силовая структура, призванная бороться с уже сформировавшимися бандитами и потому привыкшая действовать вполне определенными средствами. Меж тем, я веду речь о теологическом пространстве. Именно здесь дают о себе знать первые зачатки извращений вероучения, приводящие к асоциальному поведению. Там, где нет персональной ответственности, балом правит коллективная безответственность, профанация всего и вся и расхищение под сурдинку государственных ресурсов.

В экспертном сообществе, и не только, давно высказывается мнение, — возможно, неверное, — что в России значительное влияние приобрели лица, крайне не заинтересованные в полной ликвидации террористической угрозы, ведь она — отличный механизм для выбивания из бюджета всё новых и новых субсидий и, главное, наличности, не контролируемой финансовыми органами. Существуют и другие достаточно веские аргументы в пользу указанного экспертного мнения.

Если оно ошибочное, тогда хотелось бы услышать объяснение, почему не совершаются действия, которые действительно способны положить предел корневой системе, питающей в нашей стране террористическую угрозу, почему не финансируется в приоритетном порядке работа с первоисточниками и прочее, о чем я сказал ранее? Право дело, не воспринимать же всерьез рассуждения вроде следующего: раз муфтии молчат, значит, их всё устраивает; или такого: в сохранении российского ислама в его нынешнем, то есть отупелом, состоянии, — залог спасения православия, иначе оно, как нас пытаются убедить, погибнет,

а с ним — и русский народ, который и так спивается и вырождается. Согласитесь, полный бред, свидетельствующий о том, что лица, выражающие такую точку зрения, ничтошеньки не смыслят в затронутой теме. Меж тем миф, демонизирующий ислам, весьма распространен и этими людьми старательно пестуется, ведь он — надежное прикрытие их халатности и преступной безответственности. Воистину сон разума рождает чудовищ.

Но вернемся к высказанному мной мнению экспертов. Если оно всё же справедливо — пусть даже в малой степени, — то возникает вопрос: когда в конце концов интересы государства и российского народа возьмут верх над чиновным произволом? Неужели жертв, принесенных на плаху террора, всё еще мало? Сколько же людей должно еще погибнуть, чтобы власть очнулась и всерьез взялась за решение проблемы?

Думается, неспроста в «Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года», подготовленной секретариатом межведомственной комиссии (объединяет представителей шестнадцати министерств и ведомств) по противодействию экстремизму при МВД и широко разрекламированной на днях пресс-службой министерства, в числе ключевых источников угроз экстремизма названа «экспансия нетрадиционного для России радикального ислама с территории других государств», которая исходит от «иностранных эмиссаров и выпускников зарубежных теологических центров радикального толка». В наших же пенатах, оказывается, всё в порядке. В общем среди чиновников виновных искать и не пытайтесь. И эту филькину грамоту собираются вскоре подsunуть на подпись главе государства.

Теперь несколько слов о выступлении президента в Уфе, старательно ныне замалчиваемом, замалчиваемом настолько, что даже те, кто профессионально призван бороться с терроризмом, никогда об этой речи не слышали (иногда ее называют «Уфимскими тезисами В.В. Путина»).

Определяющей чертой сказанного главой государства стал акцент на «новой социализации» российского ислама. Все мы привыкли к термину «социализация», характеризующему процесс активного вхождения человека в систему социальных связей, освоения ценностей и норм социальной жизни, термину, характеризующему процесс обособления человека в обществе и тем самым становления его как личности.

Последние десять лет социологами, обслуживающими преимущественно интересы РПЦ, активно разрабатывается проблематика религиозной социализации, определяемой как процесс интериоризации (формирования внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности) и выработки человеком собственных мировоззренческих стереотипов, идеологических предубеждений и стратегии поведения по отношению к окружающим людям. Коротко говоря, речь идет о становлении верующего, происходящем в определенном конфессиональном и социокультурном контексте, другими словами, усвоении верующим моделей и норм религиозного поведения в конкретной исторически сформировавшейся среде.

Но президентом поставлена, прямо скажем, беспрецедентная по новизне задача: глава государства выдвинул программу конфессиональной социализации. По сути, он призвал разобраться с тем, какова социальная миссия ислама в современной России, каково его послание, с которым он обращается сегодня к гражданскому обществу, мусульмане в котором составляют численное меньшинство? Путин не затронул бы эту тему, будь здесь всё в порядке. Выходит, здесь всё сильно не в порядке. Фактически он предложил озаботиться разработкой социальной доктрины российского ислама, то есть формированием той гражданской позиции, которую велит занимать нашим соотечественникам-мусульманам их вероисповедание, очищенное от ра-

дикализирующих искажений, позиции, которая усилит их гражданские и патриотические чувства, укрепит душевное благополучие, гармонизирует государственно-конфессиональные и межрелигиозные отношения. Не воспринимать же всерьез ту кальку, которая в былые времена была оперативно скроена исламскими функционерами по лекалам «Основ Социальной концепции РПЦ», появившихся в 2000 году. Мусульманам нужен действительно авторитетный документ, опирающийся на всю многовековую интеллектуальную рефлексию и позитивно действенный в условиях нынешней России. Понятно, что в один присест подобный манифест разработать немислимо и всякого рода громогласные рапорты на сей счет о его якобы скором рождении являются банальным введением общества в заблуждение, профанацией стратегии, выдвинутой президентом, профанацией, наносящей серьезнейший вред нашему обществу. Причем Путин это прекрасно понимает, раз в качестве стратегической выдвинул задачу возрождения российской школы исламского богословия и права, вершиной деятельности которой и должна стать искомая социальная доктрина. Но очевидно, что на ее создание уйдут многие годы интенсивного труда большого коллектива ведущих специалистов, и не только отечественных.

Глава государства четко обозначил требования, которым отечественная школа должна соответствовать. Речь идет прежде всего о ее высоком авторитете не только у россиян, но и у мигрантов, а также на всем постсоветском пространстве и в целом на международной арене, о признании школы большинством мусульманских ученых мира, об отпоре идеологии радикалов, сталкивающих правоверных в Средневековье, о развитии традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с реалиями 21-го столетия, о живом отклике на актуальные события внутренней и международной жизни, выливающимся в богословско-правовые заключения, понятные

и авторитетные для верующих, о выработке положительного образа традиционного ислама как важной духовной составляющей общероссийской идентичности. Неудивительно, что особое внимание президент уделил проблеме научных переводов на русский язык ключевых мусульманских текстов.

Охарактеризовал он и новый, востребованный временем, тип религиозного лидера. «Священнослужители, — сказал Путин, — должны быть людьми образованными и просвещенными, способными дать четкую и канонически безупречную оценку острым современным вызовам и угрозам». Мы же добавим, что глубокие и серьезные книги в этом плане — лучшие помощники и наставники. Но таких книг толком как не было, так и нет, а о тех совсем немногих, что заслуживают широкого внимания, мало кто наслышан. Основным объединяющим идеям социального проектирования, которые мусульмане могли бы предложить всему нашему обществу, я посвящу одну из следующих статей.

Радикальный ислам триумфально шагает по планете. Очередной его жертвой вот-вот падет Ирак. Не ровён час, и вся эта смертоносная каша заварится в России. Я не понимаю, сколь более наглядные примеры еще нужны, чтобы уполномоченные представители нашей власти прекратили наконец заниматься имитацией профилактики религиозного радикализма и занялись подлинной вакцинацией от этой трудно излечимой заразы. Джалал ад-Дин Руми сказал: «Когда человек выбивает ковер палкой, он бьет не ковер, его цель — избавиться от пыли». Так давайте же прекратим с упоением колошматить ковер, а займемся пылью.

**Юрий
Михайлов**

Феномен ИГИЛ*

Вся история человечества — это история нескончаемых попыток людей осуществлять заветные мечты, ведь, когда они сбываются, человек погружается в эйфорию счастья, обретает чувство полноценного бытия, душа его воспаряет. Переживание счастья бывает чаще всего скоротечным, мимолетным, ибо обусловлено оно, как правило, житейскими обстоятельствами, а потому на протяжении жизни человека одна заветная мечта сменяет у него другую.

Высшим пределом наполненности судьбы земными благами выступает так называемая «американская мечта». В «Декларации независимости США» говорится: «<...> жизнь каждого должна быть лучше, богаче и полнее, с возможностями для каждого в соответствии с его способностями или достижениями — независимо от социального класса или обстоятельств рождения». Эта модель жизнеустройства, предложенная «отцами-основателями» Соединенных Штатов, привела к тому, что для многих в нашем мире данная страна стала олицетворением того, чем для еврейского народа была некогда Земля обетованная.

* Доклад на международной конференции «Журналисты мусульманских стран против экстремизма» (Москва, конгресс-парк «Волынское», 8 октября 2015 г.). «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ; в дальнейшем — «Исламское государство» (ИГ)) признано в России террористической организацией.

История человечества немислима без желания его выдающихся умов улучшить этот мир, предложив в качестве ориентира модель — всякий раз свою — общества всеобщего благоденствия. Думаю, многие читали, а уж слышали-то наверняка все о «Государстве» Платона, «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона, «Утопии» Томаса Мора, «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Путешествии в Икарию» Этьена Кабе, «Четвертом сне Веры Павловны» (из романа «Что делать?») Николая Чернышевского, «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, «Острове» Олдоса Хаксли, «Розе Мира» Даниила Андреева и мн. др.

Россия в недавнем прошлом пыталась на практике реализовать одну из утопий, коммунистическую, — «светлое будущее для всего человечества», как было сказано в последней редакции «Программы КПСС», несколько переиначившей слоган Карла Маркса «Коммунизм — истинное счастье всего человечества».

Мало кто знает, но ради победы коммунистической идеи, построения всемирного общества всеобщей гармонии и счастья соратник Маркса Фридрих Энгельс готов был принести в жертву какую угодно часть рода людского. «В ближайшей мировой войне, — написал он 13 января 1849 года в статье “Борьба в Венгрии”, — исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом». Особую нелюбовь немецкий интернационалист, борец за вселенское счастье питал к славянским нациям Европы, «славянским варварам», как он выражался, отпетым «контрреволюционерам», которые, по его мнению, заслуживали расплаты «кровавой мстью», проще говоря, поголовного истребления, а по сути, геноцида. «<...> ненависть к русским, — развивал Энгельс свои идеи в феврале того же года в статье “Демократический панславизм”, — была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции [1848 года] к этому прибавилась ненависть к че-

хам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем, где сконцентрированы враги революции (то есть враги “здоровой” части человечества. — Ю.М.): в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам как к врагам. <...> борьба [со славянством] на уничтожение и беспощадный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции (иными словами, будущих граждан всепланетарного общества счастья, в котором нет места русским и братским им народам. — Ю.М.)!»

Трагедией беспрецедентного масштаба обернулось для всего мира построение общества счастья на родной земле Маркса и Энгельса. Выступая 13 июля 1941 года перед войсками СС, отправлявшимися на Восточный фронт, Генрих Гиммлер сказал: «На одной стороне стоит национал-социализм — идеология, основанная на ценностях нашей германской, нордической крови, стоит мир, каким мы его хотим видеть, — прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении мир, который, быть может, пока и страдает какими-то недостатками, но в целом счастливый, замечательный, наполненный культурой, — таким миром как раз и является Германия».

А еще ранее, 3 апреля 1937 года, спустя каких-то четырех года после всенародного избрания рейхсканцлером, Адольф Гитлер, или «Гитлер-освободитель», как тогда писали немцы, прямо провозгласил: «Народ в Германии сейчас гораздо счастливее, чем где-либо в мире».

Мы-то в России знаем, какой ценой давалось это счастье. Не существовало таких жертв, на которые не готовы были бы пойти творцы совершенных обществ, чтобы тем, кто останется на планете в живых, «жить стало лучше, жить стало веселее».

Николай Бердяев, крупнейший российский религиозный мыслитель, изгнанный из страны Владимиром Лениным и его комиссарами-опричниками, писал в работе «Царство Духа и Царство Кесаря» (1949 г.): «Обыкновенно утопией называют неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в большинстве случаев осуществлялись. Об утопиях судили по изображению совершенного строя Томасом Мором, Кампанеллой, [Этьеном] Кабе и др., по фантазиям [Шарля] Фурье. Но утопии глубоко присущи человеческой природе, она не может даже обойтись без них. Человек, раненный злом окружающего мира, имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни. <...> Утопии всегда осуществлялись в извращенном виде. Большевики — утописты, они одержимы идеей совершенного гармонического строя. Но они также реалисты, и в качестве реалистов они в извращенной форме осуществляют свою утопию. Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения». К этой последней мысли мы еще вернемся.

Меж тем самыми мощными, не подверженными коррозии времени концепциями общества счастья являются религиозно мотивированные социальные построения, опирающиеся прежде всего на авраамическое (монотеистическое) мировоззрение. Ныне они — главный оппонент «американской мечте».

Формы общежития верующих в рамках одних и тех же религиозных традиций неизбежно отличаются друг от друга, поскольку обусловлены историко-культурным своеобразием конкретных народов, что находит наиболее яркое выражение в национальных богословско-правовых школах. Эти-то школы и призваны формировать означенные социальные учения, базовая цель которых — защита духовного суверенитета государства и привитие гражданам иммунитета к духовным патологиям, без чего невоз-

можно социальная стабильность. Если такой школы нет, или она еле дышит, или разгромлена, или ей не дают сформироваться, подсовывая верующим ее имитацию-пустышку, значит, государство будет обречено жертвовать своими гражданами, угодившими в сети либо под нож религиозных извращенцев.

Для благочестивого человека высшей формой счастья является служение Богу, и венцом этого служения, пиком блаженства выступает встреча с Создателем на Страшном суде с получением от Всевышнего воздаяния, заслуженного праведником, — обретения новой формы существования — вечной жизни в изобильных чертогах безмерного и непреходящего счастья, то есть бессмертия в Раю.

Поскольку земная жизнь — это лишь долгий экзамен перед переходом в мир иной, каждый верующий стремится с честью выдержать это испытание, а потому ему крайне важно знать, как себя вести, чтобы, творя земные дела, не сбиться с Божьей стези. Но что делать, когда понимание правил поведения, заповеданных нашим Создателем, входит в прямое противоречие с правовыми уложениями, установленными государством, а точнее — людьми, не свободными от греха? Для набожного человека двух мнений быть не может. Так, в начале октября председатель отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин заявил, что «для верующего человека Закон Божий стоит выше любого человеческого постановления или закона». По словам Чаплина, если государственный закон противоречит «божественным постановлениям», то верующий может и должен не исполнять этот закон. «Вот так мы будем жить, нравится это кому-то или нет», — предупредил иерарх Русской православной церкви. У мусульман, кстати, позиция аналогичная: здесь также действует принцип «Нет повиновения тому, кто не повинуется Богу».

Таким образом, мы выходим на ключевую проблему дня: как гармонизировать государственно-конфессиональ-

ные и межконфессиональные отношения, как избежать антагонизмов, перерастающих порой в непримиримое противостояние, сопровождаемое реками крови? Понятно, что речь идет не о декларациях. Мастеров их сочинять у нас полным-полно. Со стороны верующих такие вопросы должны разрабатываться в лоне национальной богословско-правовой школы.

Возьмем, к примеру, РПЦ. Московский патриархат многие годы занимается вопросами религиозной социализации верующих, понимая под ней прежде всего воцерковление, становление членом приходской общины, то есть добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение принятого в ней образа жизни и образа мыслей. При этом усвоение образа мыслей должно происходить параллельно с усвоением образа жизни. Этот последний и является проводником устойчивого влияния Церкви на человека, позволяя тому выработать со временем новое отношение к миру и к самому себе.

Традиционная культура России зиждится во многом именно на православии. А потому в условиях религиозного возрождения в нашей стране проблемы социализации православных не вызывают каких-то концептуальных и методологических затруднений. Иное дело исповедники ислама. Если евангельский постулат «Цезарю — цезарево, а Богу — Богово» (Мф. 22: 21) во многом снимает для православных граждан напряжение в отношениях с государством, то для правоверных, не знающих разделения на «цезарево» и «Богово» (для них всё — Богово), эти отношения приобретают ныне особую остроту. И она тем болезненнее, чем разительнее контраст между окружающей повседневностью и идеалом бытия, какой усвоен мусульманином в процессе религиозного образования и духовного взросления. Поэтому крайне многое зависит от личности наставника.

Если в стране сложилась сильная богословско-правовая школа, то есть такая, которая способна обеспечить об-

щество (в том числе и поликонфессиональное) мощной социальной доктриной, консолидирующей и мотивирующей это общество на опережающее развитие, на приумножение его духовности, то и сложностей с компетентными наставниками, помогающими государству вырастить законопослушных граждан с активной жизненной позицией, быть не должно. Но в реальности ситуация не столь однозначна.

Успех ИГИЛ высветил огромное количество проблем, с которыми столкнулась мировая и, в частности, российская умма. Ведущие интеллектуалы Исламского мира, представляющие наиболее известные богословско-правовые школы, оказались бессильными перед идеологией этого квазигосударственного образования. Какие бы фетвы ни принимались, какие бы проклятья ни обрушивались на головы приверженцев группировки, самоназавшейся «Исламским государством», — всё оказывается тщетно. Сколько бы территория ИГИЛ ни подвергалась бомбардировкам, поток новобранцев со всех концов земного шара не уменьшается, и метастазы этого ракового образования продолжают возникать по всему миру. Какие только объяснения данного феномена ни озвучиваются. Чаще всего мы слышим о потрясающем уровне игиловской пропаганды. Затронем эту тему.

Как известно из психологии, любая пропаганда опирается на укоренившиеся в людях стереотипы, то есть на готовые схемы восприятия окружающего мира, которые решающим образом определяют идентичность индивида. Но если это так, то получается, что высокая эффективность игиловской пропаганды — это не более чем вершина айсберга, низовую часть которого составляет нечто иное, намного более значимое. Поэтому, как мне представляется, успех идеологического рупора ИГИЛ объясняется не той голливудской мощью, какую ему настойчиво приписывают впечатлительные, охочие до сенсаций журналисты, а подспудным воздействием на те сокровенные механизмы

верующих, которые порождают сильнейший эмоциональный отклик, мотивирующий их покинуть родину, близких, семью и отправиться в дальние края, на чужбину в желании обрести... — думаю, многие читатели уже догадались, какое слово я сейчас употреблю в свете сказанного выше, — счастье. Россиянам памятен нашумевший пример Варвары Карауловой, восемнадцатилетней романтической девушки, умницы и отличницы, поверившей, что именно ИГИЛ станет для нее и ее далекого возлюбленного обителью столь чаемого личного благополучия.

Комментируя первую высадку американцев на Луне, Рухолла Мусави Хомейни (1902—1989), Великий аятолла и вождь Исламской революции, свершившейся в Иране в 1979 году, заметил: «Пусть себе едут на Марс или за пределы Млечного Пути — они всё равно не достигнут настоящего счастья».

Остальные версии причин успешности проекта ИГИЛ уже набили оскомину — столь часто их настойчиво внушают обществу. Это и разгром офицерского корпуса и в целом государственности Ирака и Ливии, и обострившийся гражданский конфликт в Сирии, и безрассудная политика США в регионе, и тайные операции спецслужб, и много чего еще из событий конца XX — начала XXI века. В последние же дни мы постоянно слышим, что ИГИЛ — это банда головорезов, основная цель которой — демпинговая торговля награбленными на захваченных территориях нефтью и музейными сокровищами, и всё это — под прикрытием семейного клана президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана.

Как известно, дабы излечить больного, надо правильно поставить диагноз заболевания. А потому, чтобы эффективно противостоять ИГИЛ, следует вскрыть корневую систему этого странного образования, всерьез строящего государственную инфраструктуру и претендующего на свою легитимацию в будущем. Не случайно глава турецкой

Национальной организации разведки (МИТ) Хакан Фидан, один из самых верных союзников Эрдогана, заявил, что «ИГИЛ — это реальность, и мы должны признать, что не можем уничтожить такую хорошо организованную и популярную государственную систему, как “Исламское государство”. Потому я призываю своих западных коллег пересмотреть взгляды на исламское политическое движение, отложить в сторону их циничный менталитет и помешать планам Владимира Путина сокрушить сирийских исламистских революционеров». Символичен заголовок, под которым это заявление опубликовало немецкое агентство AWDNEWS: «Глава турецкой разведки: ИГИЛ — это реальность, и мы оптимистичны по поводу его будущего». О претензиях ни много ни мало на мировое лидерство говорит переименование ИГИЛ в ИГ, предпринятое главарями этой группировки в июне 2014 года, то есть была снята вообще какая-либо ее территориальная привязанность, а на бытовом уровне стало приветствоваться еще более вызывающее название — Халифат.

Думаю, что, показав ложность объяснения первопричин успеха ИГИЛ якобы «потрясающим мастерством» его Министерства пропаганды, мы вправе на тех же основаниях квалифицировать как поверхностные, не дающие представления о подлинной сути явления и все остальные упомянутые выше причины.

Так вот я убежден, что рано или поздно нечто вроде ИГИЛ обязательно возникло бы, убежден, что при нынешнем состоянии исламской мысли появление ИГИЛ было неизбежно и лишь стечение драматических обстоятельств на Ближнем Востоке локализовало это псевдогосударство там, где оно сейчас обретается.

В начале октября [2015 года] в Москве прошла международная конференция «Исламская мысль против терроризма». Принятая на ней декларация страннным образом не получила в нашей стране широкой огласки, хотя она дает

концептуальные ответы на многие вопросы, находящиеся сегодня в центре общественного внимания. В своем выступлении на конференции я затронул многие проблемы, обсуждение которых продолжу в настоящем докладе.

В этой конференции принял участие бывший генеральный секретарь Организации исламского сотрудничества г-н Экмеледдин Ихсаноглу. Он сказал, в частности, что надо всерьез разобраться, почему сегодня ни одна из мусульманских стран не демонстрирует лидерские позиции в мире. От себя добавлю: и даже мало-мальски значимых тенденций к этому не наблюдается.

Вторая половина XIX и весь XX век прошли под знаком попыток понять, что не так в Исламском мире. Было предложено множество рецептов по выправлению ситуации. На слуху имена Джамалья ад-Дина аль-Афгани (1839—1897), Мухаммада Абдо (1849—1905), Абд ар-Рахмана аль-Кавакibi (1849—1902), Рафика аль-Аззама (1867—1925), Мухаммада Рашида Риды (1865—1954), Мухаммада Икбала (1873—1938), Сейида Кутба (1906—1966), Али Абд ар-Раззака (1888—1966), Али Шариати (1933—1977), Абу аль-Ала Маудуди (1903—1979) и др.

Говоря о начале мусульманского упадка, аль-Кавакibi, например, отмечал, что упадок этот начался «тысячу лет назад или более». Среди его причин мыслитель называл, в частности, доминирование веры в предопределение, доктринальные споры, разобщенность, религиозную нетерпимость, невежество, засилье ложных улемов; говорил он и об «усохших» моделях религии, которую постигли расслабленность, отсталость и регресс. Пытаясь наполнить термин «иджтихад» актуальным содержанием, истолковывая его как свободу слова и убеждений, он одновременно развенчивал современную практику иджтихада, подчеркивая, что у нынешних муджтахидов последний в лучшем случае сводится к начетничеству. Вкладывая принцип иджтихада, наряду с другими, в понятие свободы человека, аль-Кавакibi

киби объявлял свободу личности главной нормой, политической аксиомой, без которой невозможно уничтожить деспотизм, душастый Исламский мир. Утрата свободы, говорил он, в конечном счете приводит к «умерщвлению душ, подрыву прав, нарушению законов», к торможению социального и национального развития.

Максималистскую позицию выражал Сейид Кутб, утверждавший, что истинно мусульманское общество «прекратило свое существование с тех пор, как со всей земли исчезло правление по закону Аллаха» (а произошло это, по оценке Кутба, давным-давно, «уже много веков назад»), что настоящая умма похоронена под «руинами исламской идеологии, под обломками социальных форм и порядков, которые не имеют никакого отношения ни к исламу, ни к исламскому пути, хотя некоторые деятели утверждают, что мусульмане существуют в рамках так называемого Исламского мира». Кутб настаивал, что «в настоящее время весь мир живет в джахилийе».

Примерно в том же диапазоне мнений рассуждали и рассуждают многие из тех, кто озабочен судьбами исламских народов. Если резюмировать, то чаще всего речь идет об интеллектуальном застое, сковавшем мусульманскую умму. Схоластический тип мышления, догматический способ усвоения религиозных знаний, общая деинтеллектуализированность духовного пространства транслируются и закрепляются через сложившуюся в мире сеть мусульманских учебных заведений, вплоть до ведущих университетов. Российские вузы здесь не исключение. В результате значительная часть мусульман живет представлениями о далеком историческом прошлом как пике развития человечества, к которому надо во что бы то ни стало вернуться, пусть даже через внешнее подражание тому времени. Обычно говорят о «золотом веке» Халифата, но имеют в виду прежде всего эпоху пророка Мухаммада (как писал Маудуди, это была «цивилизация и культура без всяких

намеков на ущербность, неполноценность и какие-либо недостатки»), в которую хотелось бы перенестись, порвав с окружающим миром торжествующей несправедливости. Не зная ислама как живого учения, требующего своего постоянного осмысления в контексте современности, воспринимая эту религию как застывшую и раз и навсегда окостеневшую систему, требующую скрупулезного воспроизведения словесных и поведенческих конструкций и не предполагающую каких-либо усилий разума, эти верующие убеждены, что, лишь подчиняя себя образу жизни Пророка, с доскональным копированием всех, даже самых заурядных, исторически и территориально обусловленных особенностей его быта, можно удержаться на прямом пути к Богу и испытать подлинное счастье. То есть, вместо того чтобы заняться духовным самосовершенствованием, овладением всем накопленным человечеством богатством знаний (а ведь это тоже благо Всевышнего!) и раскрытием собственного творческого потенциала, даруемого Господом каждому человеку для выполнения им функции заместительства, эти люди посвящают свою жизнь механистическому воспроизведению в деталях бытового уклада Пророка и его окружения, превращая этот самый уклад, по сути, в идола, которому они истово поклоняются, обличая в неверии (такфир) всех, кто с ними не согласен. И они даже готовы расправляться со своими оппонентами как с личными врагами, вплоть до садистского лишения их жизни, будучи убеждены, что такие расправы ожидаются от них Богом как свидетельства чистоты их веры. Кстати, весьма символично, что, захватывая города, игиловцы первым делом уничтожают городские библиотеки и тех, кто почитается местными жителями как знатоки ислама.

В психиатрии давно установлено, что если некто склонен к насилию над несогласным с ним, то это прямо свидетельствует о шаткости позиции насильника, в нашем случае — о слабости его веры (вспомним коранический

рассказ о бедуинах: они хоть и приняли ислам, но «вера не вошла в их сердца» (49: 14)). И, поскольку вера у насильника еле теплится — что воспринимается им как мучительно саднящая душевная рана, — он нуждается в новых объектах насилия, всякий раз убеждая себя, что это насилие заповедано Богом и во имя Бога совершается.

Мухаммад Абдо писал о тех, кто, «слепо следуя былым авторитетам», поражен «болезнью таклида»: «Сначала уверуют во что-то, убедят себя в чем-то, а потом ищут обоснования этому, причем им требуется только такое обоснование, которое совпадает с тем, во что они уверовали. Если такого совпадения нет, они отвергают любые аргументы, сопротивляются им даже в том случае, если для этого потребуется опровергнуть все доводы рассудка». В предисловии к своей книге «Умм аль-Кура» («Мать городов») Мухаммад Абдо обращался к читателю с призывом быть членом «общины следования по правильному пути», а не «общины подражателей». Вспомним, наконец, Коран: «Скажи: “О люди Писания! Не излишествуйте в своей обязанности [перед Богом] вопреки истине и не потакайте прихотям людей, заблудших еще раньше. Они ведь многих в заблуждение ввели и [сами] сбились с прямого пути”» (5: 77).

Сформировавшееся на исходе XX века информационное общество позволило охватить колоссальные аудитории самыми экзотическими идеями, которыми ранее были одержимы порой исключительно маргиналы. Сторонники радикальных идей переустройства земного мира также получили уникальную трибуну и легионы преданных поклонников.

Осталось упомянуть американцев с их проектом Большого Ближнего Востока и иллюзиями демократизировать то, что демократизации по западным лекалам не поддается. Ну не готовы мусульмане воспринимать «американскую мечту» как свою путеводную звезду, сколько бы Запад ни усердствовал. Разломав, словно слон в посудной лавке,

геополитическое равновесие на Ближнем Востоке, стимулировав подъем и консолидацию местных деструктивных сил, а то и вооружив некоторые из них, США подтолкнули развитие событий в том направлении, которое они и предвидеть-то не могли, — возникла быстро расширяющаяся территория, куда со всего мира потянулись те, для кого воспроизведение исторического Халифата здесь и сейчас было равнозначно построению общества счастья на земле.

Вот в чем кроется успех игиловской пропаганды — она лишь пробудила давным-давно сформировавшиеся ожидания у огромной массы верующих. Вот почему ИГИЛ стал центром притяжения, своего рода Землей обетованной для граждан более чем восьмидесяти стран.

Понятно, что не все прибывшие увидели ожидаемое. Но иначе и быть не могло, поскольку движение вспять по шкале исторического времени невозможно.

Итак, что же такое ИГИЛ?

Во-первых, это попытка реализовать утопическую идею — восстановить исторический Халифат.

Али 'Абд ар-Раззак писал, что в первоначальном исламе не было институциональных основ государства, ислам создал духовно-нравственное единство уммы, и последняя вольна в выборе своего политического устройства. При выборе формы государства, призывал 'Абд ар-Раззак, надо обращаться к доводам разума, опыту наций и правилам политики; Халифат — не более чем политическое оформление исторического опыта мусульман в области государственного строительства.

А вот что говорил Сейид Кутб: «Исламское общество, с точки зрения его формы и масштабов, разновидности господствующей в его рамках жизни, не представляет собой неизблемый исторический образ»; мусульманская цивилизация может «принимать различные формы в процессе своего материального развития»; мусульманское общество должно быть гибким в том, что касается внешней формы.

И здесь я хочу вернуться к приведенной мной ранее цитате из Николая Бердяева: «Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения». А потому в ИГИЛ ради построения общества счастья, как и при гитлеризме с ленинизмом-сталинизмом, тоже живших утопиями, льются реки крови и подлежат уничтожению кяфиры — «враги народа».

XX век отмечен тяжелейшими для человечества экспериментами по реализации трех грандиозных социальных утопий: фашизма, национал-социализма и коммунизма. Попытка восстановления исторического Халифата — это, в определенном смысле, пик данного процесса, на сей раз стимулированного еще и религиозными основаниями.

Во-вторых, ИГИЛ — это типичная тоталитарная секта, с жестко выстроенной вертикальной иерархией (во главе с халифом — харизматичным лидером-диктатором, возомнившим себя избранником Бога, мессией-махди), мощным репрессивным аппаратом и мобилизующей целью — осчастливливания человечества путем его спасения (от всего греховного/харамного) через безжалостное и систематическое уничтожение той его части, что погрязла в нечестии (сюда относятся все не согласные с мнением халифа), завоевание мирового господства и построение на обломках сокрушенной языческой цивилизации совершенного общества, всецело подчиненного Закону Божьему (шариату) и халифу — наместнику Всевышнего, единственному носителю и выразителю правильного истолкования Его законоустанавливающей воли.

В-третьих, ИГИЛ — это апофеоз язычества.

Помните, как говорится в Коране: «Ужель не видел ты того, кто обожествил свою прихоть? Бог ввел его в заблуждение <...>, запечатал его слух и сердце, а взор его покрыл завесой» (45: 23)?

В ИГИЛ нет ничего, что отличает подлинный ислам, — лишь внешний антураж. Это карнавал прихотей осатанев-

ших безумцев, готовых принести в жертву своим неумным страстям миллионы людей, целые народы. Мухаммад Абдо когда-то произнес знаменательную фразу: «Фанатики вышли за пределы веры во имя веры».

В-ЧЕТВЕРТЫХ, ИГИЛ — это сообщество недовольных, обиженных, неудовлетворенных, угнетенных, не нашедших себя в жизни, а потому утративших ее смысл мужчин, совершивших «хиджру» на «заповеданную Богом» территорию («зачищенную» от греха Его передовым отрядом) и тем самым необратимо порвавших с царством язычества; это также и сообщество мужчин, одержимых жаждой «праведной мести» возрадившему их порочному миру и идеей героической самореализации на этом пути через беспощадное тотальное уничтожение врага-зла, а если понадобится, и через принесение себя в жертву (отказ от продолжения земной жизни в пользу небесной) во имя высшей цели — избавления творения Божия от человеческой скверны и построения халифата XXI века как мира высшего мужского счастья, в котором радикальный сексизм (гендерная сегрегация) возведен в повседневную норму жизни (на всю женскую половину человечества распространена практика восточной тирании); это, ко всему прочему, еще и сообщество яростных фанатиков, охваченных гневом религиозной ненависти, а кроме того, романтиков и идеалистов, ослепших в самообольщении.

В-ПЯТЫХ, это террористическое сетевое интернациональное бандформирование, продукт эпохи глобализации и фундаментального кризиса сложившегося миропорядка. Трудно отделаться от ощущения, что во главе ИГИЛ стоят абсолютные циники, с отменной (похоже, европейской) выучкой во многих отношениях, у которых нет ни капли веры, но есть четкое понимание, где находится ахиллесова пята современной исламской уммы, и которые прекрасно знают законы мирового политического закулисья.

Короче говоря, ИГИЛ — это религиозный мутант эпохи глобализации, порождение многовекового застоя в исламской мысли, вооруженный до зубов монстр, взращенный на крутом замесе дремучего мракобесия, сектантского мировоззрения, безмерной похоти, коррозии мировой политической системы и, наконец, близорукости американской властной элиты.

Думаю, теперь понятно, почему никакое бомбометание не способно обеспечить полный разгром ИГИЛ, почему выносимые богословами фетвы не достигают цели, почему игиловцам удастся продолжать решительное наступление на современную цивилизацию. Думаю, ясно и то, что отгородиться от ИГИЛ методами, которыми сегодня оперируют спецслужбы, невозможно, поскольку территориальная привязанность сторонников этого государства к его нынешнему месту пребывания весьма условна и число этих сторонников неуклонно растет. Они есть повсюду, поскольку интеллектуальный ступор в умме, затхлость системы религиозного образования и костоломные методы работы силовиков исправно пополняют кадры исламских радикалов. Что же нам делать?

29 сентября 2015 года, в обращении к участникам саммита ООН, президент США Барак Обама заметил: «Экстремистскую группировку “Исламское государство” не победить силой оружия, а только предложением лучших идей». Кто бы спорил? Ведь испокон веку известно, что с идеями можно бороться только идеями же. К сожалению, сторонников такого метода решения проблем профилактики терроризма всегда было мало среди сотрудников спецслужб. Полагаю, их критически мало не только у нас, но и в США. И это тоже одна из проблем, которую надо во что бы то ни стало срочно решать.

Любопытно конечно же, где Обама возьмет эти самые контридеи. Меж тем, в России проблема осмыслена намного глубже. Задолго до Обамы, 22 октября 2013 года,

В.В. Путин выступил в Уфе с программой, которая призвана как раз и породить востребованные президентом США идеи и навсегда искоренить в России питательную почву для радикализации мусульман. Лидер нашего государства предложил концепцию социализации российского ислама, призвав вытянуть его из трясины Средневековья и сделать опорой развития страны, что, на мой взгляд, несомненно, оправданно, ведь подлинный ислам — это религия постоянных инноваций и непрекращающейся социальной модернизации, обеспечивающей процветание общества.

Ключевой задачей на этом пути является создание авторитетной отечественной богословско-правовой школы, которая выставит надежный заслон проникновению деструктивных идей в российское духовное пространство, разработает модель современного государства, в рамках которого сможет быть реализован гигантский созидательный потенциал ислама. Глядишь, и фетвы наших муфтиев перестанут быть интересными только им самим, а также их кураторам, контролирующим выделение немалых денег на подобный вид самодеятельного (а подчас откровенно дилетантского) творчества.

К реализации программы Путина надо было бы привлечь ведущих мыслителей Исламского мира, ведь в конечном счете разработанный комплекс идей будет востребован всеми странами. В этом плане, на мой взгляд, самое время вспомнить о хадисе «Бог посылает этой умме того, кто обновляет ей веру каждые сто лет», то есть каждые три-четыре поколения умма должна обновляться, преображая свое состояние.

К сожалению, должного развития программа главы государства пока не получила: группа высоко сидящих влиятельных твердолобых тупиц заблокировала ее реализацию, расходуя доверенные им средства так, чтобы сложившийся статус-кво не был изменен, а дабы избежать ответственности, они стали плодить бумажки-пустышки с названи-

ями, похожими на те документы, о которых говорил президент (см. подробнее мои статьи «Деинтеллектуализация российского ислама: почему чиновники проигнорировали “Уфимские тезисы” Путина?» и «Какой должна быть “социальная доктрина ислама”»). Так уж сложилось, что в России действенная работа до сих пор поставлена лишь в плане физической ликвидации вооруженных радикалов, а всё, что касается профилактики, подменено болтовней, правда, хорошо оплачиваемой.

Несмотря на яростное сопротивление упомянутых чиновников, «Уфимские тезисы» Путина снискали широкую популярность у российских мусульман. Теперь все статусные представители духовенства считают своим долгом ритуально упомянуть их по делу и без дела. Я искренне надеюсь, что реализация этих тезисов начнется не тогда, когда банды игиловцев станут свободно рассказывать по улицам наших городов, а гораздо раньше.

Напоследок напомню коранический императив: «Человек обретет лишь то, в чем он усердствовал» (53: 39). Так давайте же постараемся.

**Юрий
Михайлов**

Если строить мечеть, то какую?*

Для раскрытия темы первым делом констатируем, что человеку (как верующему, так и неверующему) Богом дана потрясающая способность — приобщаться к Нему, Вседержителю, иными словами, способность воспринимать сакральное и выражать отношение к сакральному, то есть к тому, что существует, но недоступно пяти органам чувств.

Популярен хадис *кудси*, в котором Бог объясняет причины сотворения Им нашего мира и человека в нем: «Я был Скрытым Сокровищем, но Я хотел *быть познанным*. Вот почему Я создал этот мир». Богопознание в отсутствие способности вступать в те или иные отношения с сакральным (невидимым и неслышимым, тактильно не ощущаемым) очевидным образом невозможно.

Как известно, первая половина исламского Символа Веры (*шахада*) говорит о том, что, помимо Бога, иного божества нет и быть не может. А потому нет и не может существовать иной реальности, кроме реальности самого Бога. Отсюда вытекает, что именно мир Всевышнего является действительно подлинным. Мы же живем в пространстве,

* Написано специально для второго издания настоящего сборника.

условно говоря, иллюзорном — том, что сотворено Богом и явлено нам в ощущениях исключительно благодаря всепроникающему действию Его правящей воли. Покровами (завесами) этой сотворенной реальности скрыта (заслонена) от нас Реальность потусторонняя, то есть Реальность истинная, средоточие сакрального.

Естественное желание любого верующего состоит в том, чтобы уже при жизни в этом мире приблизиться к Богу. Приближение к Нему выполнимо лишь путем постепенного снятия (преодоления) завес материального мира. Способность снимать (совлекать) их — тоже дар Творца. Сила этого дара у разных людей неодинаковая. Облегчить процесс приобщения к сакральному, восхождения с земли в небесный мир призвана, в частности, мечеть. Одно из ее базовых качеств состоит в трансформации формируемого ею пространства, благодаря чему потаенную, сокрытую (*батин*) от нас часть Божественного Творения удается прозревать сквозь его явленную (*захир*) часть, то есть ту часть, которая доступна органам чувств человека, — зыбкую, преходящую, переменчивую, тленную. В свете сказанного предельно зримо звучит кораническое: «<...> куда бы вы ни обратились, там — Лик Божий» (2: 115). Иными словами, если окинуть незамутненными очами то, что окружает нас, внешняя (тварная) «мишура» рассеется, словно туман на рассвете, и откроется нетленный мир Истинного.

Избежать преображающего влияния мечети не дано ни верующему, ни — за редчайшими исключениями — неверующему.

Почему талантливо спроектированная мечеть не может оставить равнодушным немусульманина? Почему душа каждого человека — независимо от его вероисповедания — непременно возрадуется даже от простого соприкосновения незашоренным взглядом с таким изумительным проявлением архитектурной мысли, как прекрасная

мечеть? Почему даже у неверующего всегда сохраняется возможность восприятия сакрального — вселенной Все-вышнего и почему в связи с этим возведения достойны прежде всего такие мечети, которые самóй своей архитектуроникой и присущим ей сгущением пространства и времени способствуют указанному восприятию?

В поиске ответов обратимся к Корану и сунне Пророка.

Сотворив Адама и вызвав к жизни его отпрысков *во всех поколениях* (путем извлечения потомков первого человека, нашего праотца, непосредственно из его чресел), Бог спросил их: «Не я ли Господь ваш?» «Так и есть! Свидетельствуем мы [о сем]», — рекли они (7: 172). Тем самым род людской признал исконное владычество Творца, заключил с Ним бессрочный неотменяемый Договор (Завет), приняв на себя обет поклоняться лишь Ему одному-единственному, иначе говоря, во всем исповедовать единобожие — *таухид*.

Судя по кораническому контексту, это великое собрание происходило в Раю и должно было раз и навсегда запечатлеться в памяти людей, то есть единобожие призвано было стать одним из так называемых врожденных качеств, присущих каждому с момента появления на свет, как, например, изначальная предрасположенность ребенка к усвоению языка, без чего человеческое общение было бы невозможным. Но человек оказался слаб памятью и ненадежен. «Прежде Мы уже заключили Завет с Адамом, — рассказал Бог, — но он забыл [о нашем Договоре], и не нашли Мы в нем стойкости» (20: 115). Будучи милосердным и прозорливым, наш Создатель — ради закрепления в людской природе *таухида* — предусмотрел, чтобы стержнем натуры каждого человека стала *фитра*. Коран дает ей объяснение: «Обрати же свой лик к религии, единой с истинной верой [ибо вера эта] — *фитра* Бога, [естество,] с которым Он сотворил людей. Сотворенное Богом перемене не подлежит — такова прямая религия <...>» (30: 30). «Каждый рож-

дается в соответствии с *фитрой*, — уточняется в одном из хадисов, — а уж родители превращают его в христианина, иудея или зороастрийца».

Из сказанного прямо следует, что врожденная способность воспринимать сакральное есть важнейшее свойство природы *каждого* человека, пусть даже природы, покрывшейся коростой религиозного невежества. *Фитра* не позволяет подавляющему большинству людей утратить собственное достоинство. Тому, кто запамятовал о Договоре с Богом, достаточно помочь очнуться от отупляющей забывчивости, а также пробудить далекое воспоминание о Рае — месте, где судьбоносный обет был дан.

Так вот не последнюю роль в указанных пробуждении и воспоминании призвана сыграть мечеть. Понимать это особенно важно в случае исламского храмового зодчества на территориях, где правоверные пребывают в численном меньшинстве, сталкиваясь порой с решительным неприятием местными жителями и ретивыми, «сверхбдительными» чиновниками проектов возведения учреждений исламского культа, прежде всего мечетей. Как правило, стороны демонстрируют полное отсутствие взаимопонимания, а то и подспудную конфронтационность. И это при том, что *фитра* подавляющего большинства противников строительства мечетей не отличается по существу от *фитры* их мусульманских оппонентов. Но *фитра* первых затемнена и подавлена.

Мы приходим к парадоксальному выводу: мечеть нужна и немусульманам, даже если они этого не признают*. Косвенным подтверждением правоты данного вывода служит «паломничество» к великим мечетям мира (и не только

* Речь конечно же не идет о мечети как о культовом здании, навязываемом инаковерующим и атеистам. Мечети *в принципе* не могут нести в себе идею прозелитизма, поскольку в исламе «нет принуждения в религии» (2: 256).

старинным) миллионов туристов со всех концов света^{*}. Налицо грандиозная притягательная сила выдающихся творений гения зодчих Исламского мира. А в случае единобожников, к которым, помимо мусульман, относятся также иудеи и христиане, этому вообще не следует удивляться.

Каким требованиям должен отвечать архитектурный ансамбль мечети, чтобы к ней потянулись не только правоверные?

Для начала обратимся к главной книге ислама — Корану. В нем нет прямых высказываний об искусстве или художественном творчестве. В отличие от Библии, Священное Писание мусульман практически не поддается лобовой визуальной интерпретации. Не существует традиции иллюстрирования Корана, и не случайно в исламском искусстве отсутствует такое понятие, как «коранический стиль». Отсюда — колоссальная вариативность построения культовых зданий мусульман, ведь их архитекторы никогда не были связаны каким-то изначальным раз и навсегда установленным шаблоном, моделью или каноном. Вместе с тем у этого широчайшего многообразия есть определяющая черта — все сооружения едины в стремлении выразить *таухид*, причем выразить так, чтобы его мог ощутить каждый. Пластическое искусство ислама есть не что иное, как отражение Корана и Сунны, пропущенное через душу, сердце и руки конкретного мастера (художника, архитектора, дизайнера, каллиграфа), стремящегося дать зримое выражение *таухида*, воплотить в земном пространстве свое видение образа горнего, сверхчувственного мира, «пробудить» память о Договоре с Единным Богом у тех, кто закоснел в беспамятстве, а в определенном смысле и взглянуть на себя, очнувшегося от забытья, вспомнить о себе — о том, зачем Всевышнему понадобилось явить в этот мир род людской.

* Примечательно, что ничего подобного нельзя сказать ни об одной из российских мечетей. О причинах будет сказано далее.

Налицо единство в многообразии и многообразии в единстве — важнейшая черта исламского искусства в целом. Напомним, что и у Бога — множество имен, и у Корана признанным считается далеко не один вариант чтения.

Пророк сказал: «Земля была сотворена, дабы быть мечетью и местом [ритуальной] чистоты, и, где бы ни оказался человек из моей общины, ему дозволено отправить [там] молитву». Итак, если мечеть для человека служит вся земля, то ее архитектурное оформление является пространственным сгущением со строгой ориентацией на Каабу. Занимая во время молитвы аналогично ориентированную позицию, мусульманин не просто обращается в сторону главной святыни своей религии, но оказывается на ее сакральной оси. Происходит как бы сжатие пространства и времени, благодаря чему устанавливается непосредственная внепространственная и вневременная духовная и мысленная связь с Богом.

Первичную архитектурную композицию мечети ввел в обиход сам Пророк: ее прообразом послужил его дом в Медине. Это строение стало тем архетипическим конструктом, который — наряду с кубической Каабой — нашел то или иное отражение во всех последующих мечетях.

Возникнув как место молитвенного поклонения Богу и сбора общины, мечеть очень скоро обрела множество функций: в ней не только молились, но и предавались размышлениям, учились и учили других; сюда приходили, чтобы послушать философа или набожного странника, принять участие в богословском споре; писцы копировали в мечети книги (не только богословские), формируя обширные библиотеки; суфии обретали в ней ночлег, воду, а порой и пищу, а гонимые — убежище; в стенах мечети устраивались спортивные состязания и интеллектуальные диспуты по широкому кругу вопросов.

Архитектура есть высочайшее искусство упорядочения пространства, священная же архитектура нацелена прежде

всего на то, чтобы путем *сакрализации* упорядоченного пространства поместить человека в Божье присутствие.

С развитием общества и социальной практики, с преобразованием в духе времени городского и сельского пространства, жизненного уклада населения эволюционировала и теология исламского зодчества, модифицировалась смыслоформа мечети, совершенствовался ее храмовый язык, всё более изощренной становилась архитектурная ткань культовых сооружений мусульман. Мечети воспевали гимн *таухиду*, но каждая — на свой лад, в меру одаренности ее зодчего. Источником одаренности, естественно, является Бог, одно из имен которого — Аль-Мусаввир, означающее «[дарующий (придающий)] облик (форму)» (3: 6; 7: 11; 40: 64; 59: 24; 64: 3; 82: 8; 95: 4).

Из сказанного выше должно быть понятно, что сводить мечеть лишь к архитектурно оформленному направлению на Мекку было бы опрометчиво. Это путь примитивизации сакральной архитектуры, низведения высокого к низкому, утилитарному. Мечеть есть не только здание, в интерьере которого предусмотрены минбар и михраб, она — в определенном смысле — еще и своего рода собеседник, камертон, позволяющий настроиться на правильный душевный лад. Собеседник она и по отношению к тем, кто лишь видит ее издали, не бывая в ней. А это прежде всего немусульмане. В этом случае диалог ведется на расстоянии*.

Исламской нормой диалога является речь на *понятном собеседнику* языке (14: 4). «К каждому народу — свой посланник», — утверждает Коран (10: 47). Этот пассаж можно переосмыслить в том ключе, что каждая община вправе иметь ту архитектуру мечети, которая ей ближе, *язык которой более понятен*.

* В осмысление этого феномена отдельные богословы говорят о мечети как о некоем фокусирующем проводнике Божественной благодати, *бафака* (букв.: благословение), разлитой во Вселенной.

А потому современная мечеть не может быть банальной репликой какой-то чужеземной мечети (не важно, стародавней либо недавно построенной), пусть даже самой раскрепасной, но перенесенной на другую территорию, имеющую свои историко-культурные традиции. Надо решительно отмежеваться от слепого, бездумного, механистического копирования форм храмовой теологии прошлого, тем более форм иноземных. Косность формы является следствием догматизма архитектора (в искусстве это равнозначно творческой несостоятельности), его невежественного заказчика и, в определенном плане, всей общины, которая безмолвно смиряется с навязываемом ей отжившим архитектурным мышлением. «Клонирование» архитектурных образцов прошлого сложно толковать иначе, как прямое неуважение к Богу, который наполнил этот мир кипучей жизнью, мир, устремленный в будущее, к встрече с Ним. Среди человеческих созданий Всевышнего всегда найдутся мастера, способные спроектировать оригинальные мечети высочайших достоинств*.

Короче говоря, мечети, отстроенные в стиле современной архитектуры, вовсе не обязательно должны походить на мечети исторического прошлого, будь то дворовые

* Другое дело, что поиск таких незаурядных умельцев надо всякий раз ставить во главу угла, а не сосредотачиваться на освоении (друзьями, родственниками, «надежными и преданными людьми») средств, выделенных спонсором. Отметим, что некоторые меценаты, впечатленные хадисом: «Тому, кто построит мечеть, желая благодаря этому узреть Лик Божий, Бог возведет нечто подобное в Раю», — выделяют огромные средства на строительство мечетей, будучи *одержимы страстным желанием* еще при жизни запастись благоустроенным местечком в небесных чертогах, тем самым предопределив свою судьбу, по сути, навязав себя Богу «в сотоварищи» (точнее — в сороботники), а фактически — прямо соперничая с Ним. В связи с этим напомним два айата: «А о тех, кто устроили мечети *из соперничества*, из неверия, для разделения и для засады [, которая — в помощь] тем, кто раньше воевал с Богом и Его посланником (клясться они, конечно, будут: “Мы желали только благого!”), о них Бог свидетельствует, что они — лжецы» (9: 107); «Местá поклонения — только для Бога» (72: 18).

арабские мечети либо мечети иранского или турецкого типа.

Настоящий зодчий, зодчий не по должности, а по призванию, должен задействовать свой талант, данный ему от Бога, чтобы создать мечеть, отвечающую вызовам времени и органичную для местной среды, которая формируется не только ландшафтом, но неотделима и от социокультурного контекста.

Архитектурное цитирование в рамках традиции, разумеется, не возбраняется, но оно всегда должно оставаться творческим шагом по освоению нового пространства и в нем — нового инструментария: форм, конструкций, стилей.

Вместе с тем проектирование мечети — это и не повод дать разгуляться безудержным фантазиям зодчего. Обращение креативного мусульманского взгляда на разработку современной культовой архитектуры подпадает под представление о совершении *иджтихада* и, само собой разумеется, не должно выходить за границы приемлемого, когда новация оказывается недозволенным новшеством, плодом заблуждения (*бид'а*).

Действительно талантливый архитектор будет стремиться к выработке собственного языка. И это неудивительно, ведь Коран есть живоговорящая Книга. У каждого, кто обращается к ней, всякий раз складывается свой собственный диалог, отличающийся от тех, какие этим же человеком велись с Кораном ранее или какие ведутся с Книгой другими людьми. Соответственно, у каждого архитектора формируется свое личностно окрашенное представление о Высшей Реальности*, а потому и способ ее архитектурной интерпретации всегда будет так или иначе

* В частности, о Свете, троне Всевышнего, подножии этого трона, о Рае — том мире, где умолкают страсти, его (Рае) саде вечной весны, его животворящей водной системе, царящих в нем покое и умиротворении, атмосфере созерцания — и всё это как отражение Единства.

персонализированным. Духовное видение обязательно находит свое выражение в особом формальном языке, окрашенном творческой индивидуальностью того, кто изъясняется на нем. Важно, чтобы этот язык был понятен и просвещенным современникам зодчего.

Выше уже было отмечено, сколь широким со временем стал функционал мечети. Поэтому мы должны вести речь не просто об отдельном здании с молельным залом, минбаром, михрабом и минаретом, а о мечети как об архитектурном ансамбле (квартале, городке), образованном собственно мечетью, учебными заведениями всех уровней, библиотекой, лекториями и иными центрами просвещения, прекрасным ухоженным парком с развитой системой водоемов, каналов и многим другим*. Нет никаких сомнений, что приходить сюда захотят не только мусульмане. Да и кто откажется побывать в Раю, пусть и ненастоящем, рукотворном, являющемся лишь слабой тенью вечных садов благодати, но выстроенном с любовью, с безмерной преданностью и благодарностью нашему Создателю?

Так какими познаниями и умениями должен в идеале обладать тот, кто отваживается браться за проектирование современной мечети? Назовем их:

- глубоко знать Коран, Сунну, многовековые традиции толкования священных текстов ислама; историю исламской архитектуры в динамике развития не только форм, но и — что главное — стоящих за ними идей, а также символику (геометрическую, числовую, зеркальную, света и тени), орнамент (геометрический и растительный), искусство каллиграфии, в целом ло-

* Подробнее см. в настоящем сборнике нашу статью «О программе Президента РФ В.В. Путина по социализации ислама в России» (с. 29–30). В приведенный в ней перечень можно было бы добавить также спорткомплекс и гостиницу.

гику исламской абстракции — инструмента земной кристаллизации духа исламского Откровения, отражения в нашем мире несотворенной Реальности;

- душой ощущать *таухид*, испытывать внутреннюю потребность выразить его земными средствами, устремлять помыслы к поиску архитектурного воплощения истинной (а не иллюзорной), духовной (а не материальной), вечной (а не преходящей), абстрактной (а не конкретной) красоты высшего мира, ведь, согласно знаменитому хадису, «Бог прекрасен и любит красоту»;
- обладать ярко выраженным талантом, быть способным облекать коранические высказывания и ритм жизни Вселенной, задаваемый ее Создателем, в архитектурную форму, иметь немалый опыт участия в проектировании высокохудожественных оригинальных мечетей (а не светских либо иноконфессиональных зданий).

Создание выдающейся мечети — а только такие и должны бы строиться — по силам лишь гениальному художнику, который, предавшись Воле Божьей, словно бы становится каламом (пером) Всевышнего. При этом реализуется коранический императив: «Божья рука — над их руками» (48: 10). На архитектора тогда нисходит благодать (*баракка*) Всевышнего, ведь только исходящее от Единого может вести обратно к Единому. Тому, кто взваливает на себя тяжелейший груз проектирования мечети (как правило, по должности это руководитель архитектурного бюро с единомышленниками), впору воззвать: «Господи! Введи меня входу истины, выведи выходом истины и дай мне от Тебя власть в помощь» (17: 80).

Чтобы осознать, сколь многопланова и сколь сложна проблематика мусульманского храмового зодчества,

приведем показательный пассаж из замечательного труда Сейида Хусейна Насра «Исламское искусство и духовность»:

Исламская космология, основанная на таких космологических стихах, как *айат аль-курси* (2: 225) и *айат аль-нур* (24: 35), и на множестве хадисов Пророка, помещает Дух (*аль-рух*) в высшей точке и центре космического существования и относит его к миру Божественного Произволения («Дух — от веления Владыки моего» (17: 85)). Ниже стоят архангельские субстанции, отождествляемые с «периметром» Господня Трона (*аль-арш*), который они поддерживают, затем идет Господень Престол (*аль-курси*) и низшие ангельские порядки, понижающиеся в иерархии к невидимому миру. Существует множество архитектурных форм мечети. Однако взять ли классическую купольную мечеть, где высшая точка купола символизирует Единого, сам купол есть символ Духа, символом ангельского чина является восьмеричный пояс, обыкновенно служащий опорой куполу, а символом земли (материального мира) — четырехсторонний фундамент; или рассмотреть одну из ранних мечетей, где не все элементы духовной вселенной ислама отражены в визуальной символике, — везде обнаруживается внутренняя связь между исламской архитектурой, исламской космологией и ангелологией. Исламский космос зиждется на утверждении: (1) Бога как Единственного Начала всего сущего, (2) иерархии существования, зависящей от Единого и упорядоченной Его Произволением, (3) уровней существования, соединяющих материальный мир с тонким миром, тонкий мир — с ангельским, ангельский — с архангельским, архангельский — с Духом (*аль-рух*), а Дух — с Божьим актом сотворения. Этот космос построен на порядке и гармонии, которые представляют собой нечто большее, нежели простой результат непосредственного проявле-

ния Одного во множествах. Он (космос) демонстрирует спокойствие и безмятежность, преобладающие в его явно динамическом характере, поскольку изменчивость в природе отражает, тем не менее, неизменные архетипы, которые принадлежат высшим состояниям универсального существования и, в конечном счете, являются возможностями в Божественной природе. Эти черты исламской космологии наряду с рядом других отражены в исламской архитектуре, особенно в священной архитектуре мечети, основанной на науке, которая может исходить только из внутреннего мира исламского Откровения и других форм мудрости, включенных в мировоззрение исламской эзотерики сообразно ее собственной природе и интегрирующей силе ислама.

Согласно исламскому миропониманию, функция искусства заключается в облагораживании материи и пространства. Удачным проектом мечети следует считать лишь тот проект, который позволяет выйти за пределы земной реальности. Получается это, к сожалению, далеко не во всех случаях.

Практика исламского зодчества в России оставляет желать много лучшего. Цитирую крупнейшего отечественного специалиста по архитектуре мечетей Шарифа Мухаммадовича Шукурова:

Мечети во всем мире, кроме России, строят хорошие архитекторы, понимающие различие между формой и содержанием. А потому правомочен вопрос: возможно ли строительство высокохудожественных, попросту красивых и технологичных мечетей в России? Ответ будет отрицательным. Я вспоминаю конференцию по культовой архитектуре в Казани (сентябрь 2001 г.). На мои призывы строить «умные» мечети и рассказ о том, что происходит в мусульманском мире в этой области, последовала резкая и непримиримая реакция

татарских архитекторов и историков архитектуры. Они заговорили от имени татарского народа, настаивая на его неумемном желании строить традиционные мечети. Говорилось и о том, что мировой опыт <...> им не указ. Характерно, что вторили им специалисты в области православной архитектуры. Многие работы по современной архитектуре мечети отчетливо показывают, что состояние архитектуры во многом зависит от заказчика: есть заказчик — есть и архитектура, нет заказчика... У современной архитектуры мечети в России нет образованного и понимающего заказчика, ищущего классного мастера пусть даже за границей, а самое главное — доверяющего ему. Потому и не вошли российские образцы современной мечети в <...> [авторитетные] обзорные издания по современной архитектуре мечети^{*}.

Пример современной России характерен: отсутствие интернациональных форм высокой архитектуры мечети и отсутствие приглашений для ведущих архитекторов делает архитектурный облик мечети непроработанным, иконографически унылым, как правило, повторяющим стиль турецкой мечети. Складывается такое впечатление, что для современной архитектуры России не существует других архитектурных стилей, кроме турецкого. Когда во многих странах Ближнего Востока мы видим отчетливые следы этого архитектурного стиля, в этом нет ничего странного, ведь Османская империя внедряла свой стиль. Россия никогда не была покорена Турцией, но тем не менее османский архитектурный стиль твердо закреплен в появляющихся мечетях^{**}.

^{*} *Шукуров Ш.М.* Новые горизонты иконографии современной мечети // Храм земной и небесный: в 2 вып. М.: Прогресс-Традиция, 2008. Вып. 2. С. 260.

^{**} *Шукуров Ш.М.* Архитектура современной мечети: Истоки. М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 46.

Не правда ли, позорная для нашего отечества картина. Ясно, что так продолжаться до бесконечности не может. Демографические прогнозы предсказывают, что в России исламское меньшинство в какой-то момент может оказаться большинством. Архитектурная архаика, догматизм мышления, отсутствие должной эрудиции и кругозора, непонимание спонсорами и заказчиками строительства мечетей того, каким требованиям должно отвечать сегодня храмовое зодчество мусульман в «неисламских» российских регионах — в этом кроются причины «неразрешимости» давнего острого конфликта между сторонниками и противниками возведения мечетей, конфликта, грозящего перерасти в межнациональное противостояние. Рассматриваемая здесь проблема является совсем небольшой частью проблемы куда более серьезной — так и не разработанной социальной доктрины отечественного ислама, хотя необходимости создания таковой В.В. Путин уделил в «Уфимских тезисах» особое внимание.

Обязательным в нашей стране должен стать отбор проектов строительства культовых объектов мусульман на открытых региональных конкурсах с профессиональным жюри, включающим признанных зарубежных экспертов, и предварительным широким общественным обсуждением предложенных концепций и макетов.

Необходимо сформировать сильную национальную школу исламского зодчества, для чего в профильных вузах создать специализированные кафедры, а также проводить на регулярной основе международные конкурсы и фестивали (в том числе молодежные) архитектурных идей и проектов, что позволит не только проблематизировать храмовую теологию в отечественной интеллектуальной среде, совершенствовать приемы архитектурного выражения катафатической (позитивной) составляющей исламского богословия, стимулировать генерацию актуальных архи-

тектурных идей, но и организовывать отбор талантливой молодежи для подключения к выполнению реальных проектов сегодняшнего дня.

Будем надеяться, что высказанные здесь идеи когда-нибудь окажутся востребованы.

**Юрий
Михайлов**

Ухватившись за «вервь Божью», начать правильно жить^{*}

— Юрий Анатольевич, как вы пришли к Корану?

— Создавая в 1990 году Научно-издательский центр «Ладомир», одним из главных направлений его деятельности я видел публикацию важнейших книг мировых религий. Мне стало известно, что в Главной редакции восточной литературы (ГРВЛ) издательства «Наука» лежит без движения, в пленках, готовый к сдаче в типографию новый перевод Корана, выполненный Магомедом-Нури Османовым, в то время главным научным сотрудником Института востоковедения РАН. (Заняться этим переводом, на который ушло более двадцати лет, ему предложил тогдашний директор института Е.М. Примаков, отреагировавший на соответствующую просьбу Ю.В. Андропова, на тот момент — председателя КГБ СССР.) Книжные магазины были переполнены перепечатками перевода И.Ю. Крачковского, и публикацию нового перевода в условиях галопирующей

^{*} Интервью журналу «Хан-Тенгри». Дата публикации: 28 июня 2022 г. Интервью взято главным редактором журнала Эргали Гером. Печатается с небольшими дополнениями.

инфляции ГРВЛ считала экономически неоправданной. Я выкупил у ГРВЛ полиграфические пленки с версткой и уже собрался было отправить их в типографию, как Нури Османович попросил внести в верстку изменения. Поскольку пленки правке не подлежат — их можно лишь заново вывести, — изменения были сведены в отдельную таблицу. К моему удивлению, исправлений оказалось настолько много, что они заняли несколько страниц в конце книги. Как я и ожидал, отпечатанный тираж быстро разошелся. Я предложил Нури Османовичу подготовить второе, исправленное, издание. Накопившаяся обильная правка очевидным образом требовала повторной редакции всей рукописи. Не ожидая особых проблем, ведь первая редакция должна была быть выполнена, как мне представлялось, на безупречном уровне, за работу взялся я сам.

Это было мое первое знакомство с Кораном, хотя с малолетства я не мыслил себя без чтения, целенаправленно собирал домашнюю библиотеку. Каково же было мое изумление, когда я осознал, что мало что понимаю как в самом тексте исламского Откровения в интерпретации Османова, так и в составленных им научных комментариях к переводу. Я с трудом продирался сквозь текст и, пытаясь уловить внутреннюю логику нарратива, вяз буквально в каждом предложении. К такому изматывающему чтению я не привык. (В последующем у меня уже не вызывала удивления убежденность некоторых мусульман в том, что уразуметь сказанное в Коране дано лишь немногим. Я не раз слышал, как муллы отговаривали прихожан тратить на это силы, призывая ограничиваться беседой с шейхом, чтением популярной литературы либо, в крайнем случае, изучением признанных средневековых тафсиров. Иное поведение было чревато отпадением в ересь.) Ответить на вопрос, в силу каких причин Коран занял не только одно из ключевых мест в духовном наследии человечества, стал настольной книгой сотен миллионов правоверных и очень многих

инакововерующих, но и самым решительным образом повлиял и продолжает влиять на ход мировой истории, было невозможно. Отдать в печать книгу, уровень подготовки которой меня никак не устраивал, я не мог. Иное противоречило бы моим жизненным принципам, хотя бизнес-логика диктовала обратное поведение — в те годы книжный рынок был всеядным, и потребность в новом переводе Корана, как выяснилось, была весьма значительной. Изначально того не планируя, я на целых два года погрузился в редакторскую работу над рукописью. Первым делом отправился в Российскую государственную библиотеку и постарался проштудировать всё, что касалось коранической проблематики, благо тогда таких книг на русском языке было совсем немного. Удалось перезнакомиться с ведущими арабистами, московскими и питерскими, многих из которых, к сожалению, уже нет в живых. Еле-еле забрезжило какое-то понимание, но «темных мест» оставалось непоставимо больше. Огромную помощь оказывал научный редактор издания — В.Д. Ушаков, докторская диссертация которого была посвящена фразеологии Корана. В итоге перевод был основательно доработан, а научный аппарат — расширен и уточнен. Нури Османович остался всем очень доволен. Потраченные усилия не пропали даром: за второе издание своего перевода он получил в 2002 году Государственную премию России в области науки и техники. Такого в нашей стране еще не было: впервые религиозная книга была удостоена государственной награды.

Но загадка Корана, феномен его действенной силы продолжали оставаться для меня едва приоткрытыми. Мысли о нем не давали покоя. Я всё время задавался вопросами, искал ответы на них в книгах по исламу, как сугубо научных, научно-популярных, так и прозелитических, и конечно же у профессиональных исламоведов. Если говорить о последних, то вскоре меня осенило, что вопросы, ставившие их подчас в тупик, я задавал не по адресу, ведь

за редчайшими исключениями эти исследователи были сосредоточены на изучении истории взглядов крупнейших мыслителей исламской цивилизации, прежде всего суфиев. Коран и Сунна как источники всего спектра учений и мировоззрения ислама в целом не находились в центре внимания востоковедного сообщества, не говоря об актуализации восприятия всех этих дисциплин в контексте современности. Обращаться к мусульманскому чиновничеству, воспитанному на традиции бездумного начетничества, было бесполезно.

У меня, выросшего на постоянном чтении классики мировой литературы, с каждым днем крепло убеждение, что коранический текст не может быть плодом художественного творчества человеческого гения, что у этого текста совсем иная природа!

Когда голова занята размышлениями над какой-то захватывающей проблемой, рано или поздно обязательно возникает потребность поделиться мыслями с окружающими. Но мои попытки говорить популярно о Коране с немусульманами наталкивались на неприспособленность для этого сложившегося языка — из-за его чрезмерной нарочитой арабизации и косноязычия, стимулированного, в частности, буквалистским сырым переводом И. Ю. Крачковского (изначально представлявшим собой разрозненный рабочий материал ученого, не предназначавшийся им для печати и увидевший свет лишь благодаря его вдове, прельщенной возможностью получения изрядного гонорара). Арабизировались русские тексты якобы с благой целью — исключить возможную путаницу, когда об одних и тех же реалиях, присущих основаниям авраамических религий, ведут речь как мусульмане, так и христиане. Прямым следствием этого глубоко порочного укоренившегося у нас подхода являются невежественные — имеющие далекоидущие негативные последствия — утверждения, которые порой приходится слышать от российского обывателя,

вроде такого: «У нас, православных, — свой Бог, а у них, мусульман, — свой».

Постепенно ко мне пришло понимание, каким должен быть дискурс об исламе, адресованный отечественным немусульманам, чтобы им открылась специфика взгляда последователей Пророка Мухаммада на окружающий мир, чтобы особенности поведения правоверных перестали восприниматься как нечто асоциальное и в корне чуждое.

Много бесед у меня состоялось с российскими политиками и политологами, живо интересовавшимися вероучением и социальной практикой ислама под прикладным углом — в свете нейтрализации религиозно мотивированного радикализма и борьбы с терроризмом, в те дни как никогда актуальной. В этих разговорах оттачивалась моя аргументация.

Я опубликовал пару статей, успех которых подтолкнул меня к написанию книги, получившей довольно претенциозное название — «Пора понимать Коран»*. Адресована она была конечно же не мусульманам, а российским политикам, подчас выступавшим в роли костоломов по отношению к социально активным правоверным и с фанатичным упорством, достойным лучшего применения, накалявшим атмосферу в нашей поликонфессиональной стране.

Мне казалось, что в своей книге я написал об общеизвестных вещах и никаких особых открытий не сделал, но, к моему удивлению, она приобрела популярность и среди мусульман. Разумеется, нашлись также сильно недовольные, причем не только со стороны отдельных правоверных, взвинченных религиозной нетерпимостью.

К моменту выхода книги я много общался с профильными сотрудниками Администрации Президента. Ясности в те смутные времена не было по многим проблемам.

* На исходе 2023 года свет увидело уже четвертое (исправленное) издание, а в начале того же года в Катаре вышел арабский перевод книги.

В частности, остро стоял вопрос о том, какое место в жизни современной России должен занять ислам с его сущностно неотъемлемыми политическими амбициями. Меня не покидало ощущение первопроходца, и я с энтузиазмом принялся за разработку программы позиционирования ислама в нашей стране. К сожалению, лишь некоторые из положений этой большой программы были озвучены с самых высоких трибун и приняты к практической реализации.

Если говорить о евразийском пространстве, то ислам мог бы стать здесь мощнейшим объединяющим фактором, причем цивилизационным. Мир будущего, контуры которого проявлены в Коране, — это, без всякого сомнения, постиндустриальное общество, то есть то общественное устройство, к которому в XXI веке устремлена человеческая цивилизация. Такое понимание «стрелы времени» социальной доктрины ислама задает отчетливую и привлекательную для каждого перспективу. Развивая социальное учение ислама, просветляя головы, ведя разговор о нем на языке, понятном аудитории, к чему, кстати, настойчиво призывают и Коран, и Сунна, можно строить мощные государственные образования, в которых не останется почвы для сохранения любых форм межрелигиозной напряженности.

— *Вы убеждены?*

— Абсолютно. В каждом государстве, имеющем развитое мусульманское сообщество, доминирует собственное понимание социального измерения ислама, учитывающего местное историческое прошлое и национальные традиции. Вот и у России должно быть свое понимание, а не его импортированная откуда-либо версия. Но, чтобы такое понимание было разработано (с опорой на творческое усвоение и осмысление интеллектуального наследия исламской цивилизации) и переведено в практическую плоскость, уровень просвещения российской уммы должен быть серьезно повышен. В итоге страна должна обрес-

ти свою влиятельную исламскую элиту как органическую часть элиты общенациональной.

Понятно, что при таком подходе ислам перестанет быть некой этнокультурной музейной ценностью. «Но такое усиление ислама, — возражали мне бдительные чиновники, — способно обрушить Русскую православную церковь». Удивительный прогноз, не правда ли? Странное представление об одном из мощнейших и влиятельнейших институтов нашего государства. Да и что это за Церковь такая, которая способна зашататься только от того, что в полную силу раскроется потенциал социальной консолидации, заложенный в исламе? «Вы странным образом недооцениваете силу православия», — отвечал я. К сожалению, IQ (айкью) некоторых наших администраторов, наделенных нешуточными полномочиями, далеко не всегда соответствует сложности стоящих перед ними задач. Проще бесконечно плодить верноподданнические бумаги с изощренным фантазированием на тему угрожающих факторов и на этом основании блокировать (в духе чеховского героя: «Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да как бы чего не вышло») любые оздоравливающие инициативы, чем заниматься созидательной деятельностью, предполагающей высокую степень ответственности.

— Одно из основных положений Вашей книги гласит, что выстраивание баланса интересов между основными религиями, между людьми разных вероисповеданий — это один из важнейших аспектов внутренней политики, тем более в России и для России, которая всегда этим занималась и которая, в общем, имеет уникальный пятисотлетний опыт сосуществования православной и мусульманской религий. Тем не менее, я прочитал в Вашей книге, что нам всем надо несколько переосмыслить этот опыт с учётом того, что довольно скоро мусульман у нас будет не меньше, чем православных...

— Это неизбежно, и на сей счет есть общепризнанные прогнозы рождаемости. В свете данной перспективы должен быть актуализирован и по-новому осмыслен не только опыт сосуществования религий, но и сам ислам — ислам, если так можно выразиться, в его российском изводе. Догматизация и деинтеллектуализация ислама — это то, что ему органически претит. Ислам — это религия, которая требует от ее адепта постоянного интеллектуального напряжения. Плох тот мусульманин, который позволил своему разуму расслабиться, погрузиться в состояние анабиоза. Плох тот мусульманин, для которого волеизъявление, подконтрольное разуму, выродилось в вакханалию своеволия, когда «бал правят» прихоти и страсти, а разум состоит в их бесхребетной обслуге. Когда верующему навязывают поведение (в данном случае речь не о ритуальной практике), сводящееся к бездумному исполнению чьих-либо указаний, к механистическому, рационально не осмысленному повторению неких действий только потому, что кто-то, упирая на свой религиозный авторитет, считает такое поведение благочестивым и потому требует от своего приверженца слепой покорности, налицо форма идолопоклонства, иными словами, то, с чем ислам изначально и бескомпромиссно боролся и борется. Ислам — это религия интеллектуального выбора, и, если мы хотим опереться на него в построении успешного высококонкурентного общества и государства, в нем должна возродиться интеллектуальная рефлексия. Всякие потуги мумификации, скажу резче — идиотизации ислама будут неизбежно оборачиваться самыми серьезными проблемами для общества в целом. К несчастью, эту проблему мало кто сознаёт, а потому столь успешны вреднейшие попытки консервации исламской мысли и практики, перевода их в разряд этноконфессиональных ценностей далекого, пусть даже прославленного, прошлого. Ислам — религия активного социального действия, и именно от нас зависит, каким это действие окажется — разрушительным, что неизбежно

в случае попыток закаменения ислама, либо созидательным при создании условий для выработки его социального учения, отвечающего требованиям современности.

Надо возродить тот ислам, с которым некогда связывалось прогрессивное развитие человечества, тот ислам, который открыл людям новые горизонты понимания своего назначения и смысла своего существования, тот ислам, с которым пророк Мухаммад пришел в этот мир.

— *Вы пишете, что ислам, как и многие другие религии, после основоположников был «приватизирован» жреческой кастой, и эта подмена живого, непосредственного общения с Богом общением через посредников способствовала омертвлению самого учения. Прочитав, я подумал: ого-го, Михайлова будут обвинять не только в том, что он, не будучи мусульманином, смеет рассуждать о Коране — он еще и проповедует некий протестантизм в мусульманстве. Это ведь чисто протестантская позиция: убираем посредников, убираем касту жрецов...*

— Согласен, внешне это так и выглядит. Но дело в том, что если мы возьмем сегодняшний ислам — не его учение, а тех его представителей, кого можно было бы назвать лицом сегодняшней мировой уммы, — то эти люди никогда не создали бы того выдающегося государственного образования от Кордовы до Памира, которое было основано при пророке Мухаммаде и которое закрепилось в анналах истории как Великий халифат, одно из самых передовых государств своего времени, по сути, цивилизация, в которой определяющую роль играло новейшее естественнонаучное знание.

Даже поверхностное знакомство с историей европейской науки показывает, что она стоит на плечах этой цивилизации. Мусульмане спасли наследие античности, осмыслили его и развили. В своей замечательной монографии «Торжество знания» Франц Роузентал написал: «Логика Аристотеля была, возможно, среди наиболее ранних гре-

ческих материалов, появившихся в арабском переводе, и, вполне вероятно, оказала влияние на мусульман на самых ранних стадиях проявления их интереса к знанию. Как бы то ни было, в результате переводческой деятельности в IX в. греческая логика стала основой всей мусульманской эпистемологии. С тех пор она и оставалась единственной систематической научной структурой, служившей мусульманским ученым инструментом интеллектуального самовыражения. <...> Ее влияние распространилось настолько, что она легла в основу систематического богословия и юриспруденции и тем самым проникла в самое ядро мусульманского мышления». Добавим лишь, что спасение и восприятие мусульманами логического наследия языческой античности, в частности скрупулезный разбор сочинений Аристотеля, было мотивировано, без всякого сомнения, Кораном и сунной пророка Мухаммада.

Аристотеля мусульмане называли Первым Учителем, Вторым же Учителем был его главный комментатор — Абу Наср аль-Фараби. Именно благодаря аль-Фараби, который сумел не только осмыслить и растолковать работы Аристотеля, но и развить его идеи, а также комментариям Ибн Рушда (Аверроэса) к аристотелевским сочинениям европейцы открыли для себя наследие гениального древнегреческого мыслителя, определившего развитие всей европейской философии.

Без работ крупнейших исламских ученых — Бируни, Ибн аль-Хайсама, аль-Кинди, Абу Хамида аль-Газали и др. — немыслима история науки на Западе. Труды Ибн Сины (Авиценны) были основой университетских курсов XIII—XIV веков, а его «Канон врачебной науки» оставался основным учебным пособием в европейских университетах вплоть до XVII века. Аль-Фараби, Ибн Рушд и Ибн Сина возродили классическую философскую традицию, которая вывела Запад из темного Средневековья.

Саму идею университета европейцы заимствовали у мусульман, познакомившись во времена крестовых походов с образовательными центрами, сложившимися вокруг крупнейших мечетей.

Благодаря трудам арабских географов Колумб узнал о существовании Нового Света. Секрет производства бумаги, изобретенной китайцами, европейцы переняли у арабов. Алгебру открыл европейцам Леонардо Пизанский по прозвищу Фибоначчи, а узнал он о ней от арабских учителей, когда бывал по торговым делам в Алжире. Отсюда, между прочим, арабские цифры — изобретение индийцев, но превращенное в основу математики мусульманами. Само слово «цифра» тоже арабского происхождения.

Вряд ли кто-то не слышал слово «алгоритм». А ведь образовано оно, как и слово «алгебра», от имени одного из величайших математиков в истории человечества — Мухаммада аль-Хорезми, жившего в первой половине IX века. До 16-го столетия переводы его книг по арифметике использовались в европейских университетах в качестве основных учебников по математике.

Сущностно ислам — это мощная традиция рационализации религиозного знания, не исключая и мистических истин. И задана данная традиция прежде всего самим Кораном.

Вероучение пророка Мухаммада отличает постоянная потребность в приобретении новых знаний, в том числе научных, высокая начитанность и эрудированность, просвещенная духовность. С именами выдающихся исповедников ислама мы связываем передовое научное знание, потрясающие успехи в математике, медицине, астрономии, физике, химии, географии, ботанике, зоологии, архитектуре, промышленности, и, как следствие, — успешную и непрерывную модернизацию социальной жизни в их странах на основе постоянных инноваций с опорой на научные открытия, на таланты людей, дарованные им Богом.

То, что из научных трудов публиковалось на арабском языке, воспринималось средневековыми европейцами как истина в последней инстанции. Владение арабским языком было признаком высокой учености. Так, например, будущий император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен был воспитан в Палермо руководителем местной исламской общины. Наряду с латынью и греческим и еще несколькими языками Фридрих владел арабским как родным, был страстным поклонником исламской культуры. Недаром в Европе его прозвали Изумлением Мира, «крещеным султаном». В императорской канцелярии существовал — можете себе такое вообразить? — арабский отдел, который даже на формально-стилистическом уровне, в том числе в документах на латыни, придерживался арабских образцов.

Пиетет европейцев перед мусульманами был настолько высок, что порождал многочисленные легенды. Так, согласно одной из них, Альберт Великий, католический святой, избранный Ватиканом на роль небесного покровителя ученых (поскольку Альберт сам был крупнейшим ученым своего времени), наставник Фомы Аквинского, большой поклонник научных трудов мусульман, якобы создал с помощью заимствованного у них магического искусства удивительную машину в виде говорящей головы. Однако ученику Альберта, унаследовавшему этот аппарат, пришлось разбить его вдребезги, поскольку излишняя разговорчивость головы мешала размышлениям.

Как видите, европейцы были настолько впечатлены достижениями правоверных, что готовы были поверить в самое невероятное. К слову, мало кто знает, что в основе знаменитой «Суммы теологии» Фомы Аквинского, признанной официальным учением Католической церкви, лежит метод тафсира. А такой христианский святой, как Иоанн Дамаскин, один из Отцов и Учителей Церкви, первый систематизатор церковных догматов, устроитель цер-

ковной службы и церковного песнопения, первый литературный защитник иконопочитания, вообще вырос в халифате (его дед руководил налоговой администрацией Дамаска), с раннего детства воспитывался вместе с будущим халифом Йазидом I, получил прекрасное образование, по воцарении Йазидом стал при нем визирем, а с приходом к власти Валида I оставил — вопреки желанию этого нового государя — должность визиря и отправился из Дамаска в Палестину, где в одном из монастырей постригся в монахи, приняв имя Иоанн Дамаскин. Кстати, родовое имя у Иоанна такое же, как и у его деда, — Мансур ибн Сарджун.

Вы только представьте себе: Мансур, будучи визирем, по сути, премьер-министром халифата, не скрывавшим своего христианского исповедания, сочинял трактаты в защиту иконопочитания и переправлял их в Византию, где в это время правил император-иконоборец Лев III Исавр, который настолько озлобился из-за икон на их поборника Мансура, что решился даже на изготовление поддельного письма на собственное имя, якобы написанного самим Мансуром, в котором он, Мансур, призывал главу Византии напасть на халифат. Это письмо Лев переправил халифу с пожеланием разобраться с изменником. Но повелитель правоверных не поверил хитрому византийцу.

Для нас же самое главное, что благодаря восприятию от мусульман научного подхода к кодификации знаний Иоанн Дамаскин смог выстроить православие как стройную логическую систему. Об отличной подготовке Иоанна в точных науках говорит также и то, что средневековый способ расчета пасхалии (даты Пасхи) вошел в историю как «рука Дамаскинова».

Раз я упомянул выдающихся деятелей католицизма и православия — Фому Аквинского и Иоанна Дамаскина, вооруженных научным инструментарием, созданным в Исламском мире, не могу пройти мимо и представителя иудаизма — Маймонида, также прославившегося, как и

два его авраамических собрата, на почве систематизации религиозных оснований.

Маймонид родился в Кордове, находившейся под мусульманским владычеством, образование получил в одном из знаменитых исламских университетов Марокко — аль-Карауин. Естественные науки, медицину, астрономию и философию ему преподавали лучшие арабские учителя — ученик знаменитого философа Ибн Баджи и сын астронома Ибн Афлаха. Как-то раз один из недоброжелателей обвинил Маймонида перед властями в отходе от ислама (из чего прямо вытекает, что Маймонид, будучи евреем, по-видимому, вел себя как практикующий мусульманин), но марокканские власти считали насильственную исламизацию незаконной, а потому хода делу не дали.

Маймонид служил личным врачом визиря султана Салаха ад-Дина. Основные свои труды Маймонид написал на арабском, в том числе знаменитый «Путеводитель растерянных», который ряд исследователей расценивают как скрытое доказательство того, что его автор, почитающийся как один из величайших мудрецов иудаизма, никогда не покидал ислама. Прославился он также своими комментариями к Аверроэсу, а также сочинением «Мишне Тора» («Повторение Торы») — первым в истории иудаизма кодексом талмудических галахических текстов, классифицированных по содержанию. Так вот при создании этого кодекса Маймонид вдохновлялся сводом законов шариата. Широчайшую популярность приобрели тринадцать принципов иудаизма, сформулированные Маймонидом и актуальные по сей день. Кстати, под сильным влиянием его взглядов находился уже упоминавшийся Фома Аквинский.

В октябре 2015 года профессор философии и теологии Нью-Йоркского университета, главный раввин Великобритании (в 1991—2013 годах) лорд Джонатан Сакс выпустил книгу «Не во имя Бога». Цитируем из нее важный в нашем контексте пассаж: «Несколько лет назад я напи-

сал статью для “London Times”, где рассказал, что Аверроэс стал первым человеком, который привел религиозные обоснования принципа свободы слова. Его идеи произвели впечатление на крупнейшего еврейского мыслителя XVI века раввина Йехуду Лёва [бен Бецалеля] из Праги. Доводами Аверроэса в защиту свободы слова воспользовался в 1644 году христианский писатель Джон Милтон в своей “Ареопагитике [: Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии]”. Через двести лет те же аргументы повторил в своем классическом сочинении “О свободе” (1859) светский философ Джон Стюарт Милль. Разве не трогательно, что сначала мусульманин, потом иудей, за ним христианин, а за тем светский гуманист пришли к одному и тому же выводу — о необходимости свободы слова и уважении инакомыслия?»

Я привел лишь несколько наглядных примеров тотального влияния рациональности исламской цивилизации на цивилизацию иудео-христианскую, цементирующую пресловутый Запад, пусть даже временами и манкирующий своими важнейшими историческими истоками. Напомню известное высказывание Великого муфтия Египта, шейха Мухаммада Абдо: «Я поехал на Запад и увидел Ислам, но не мусульман, я вернулся на Восток и увидел мусульман, но не Ислам». А вот что сказал американский медиамагнат Марк Цукерберг о труде «Мукаддима» («Введение») Ибн Хальдуна — арабского мыслителя, считающегося одним из основателей современных социологии, историографии и экономики: «<...> это история мира, написанная *интеллектуалом*».

Вот каким был подлинный ислам в человеческой практике! Сейчас же мы наблюдаем лишь его внешнее жалкое подобие. Но исключения всё же встречаются.

В 2015 году в интервью газете «Коммерсантъ» вице-президент Ирана по науке и технологиям Сорена Саттари рассказал: «В настоящее время у нас около 4,5 млн студентов.

Думаю, мы входим в первую пятерку стран по количеству студентов. У нас около 500 университетов и 400 научно-исследовательских центров. И в последние годы Иран совершил серьезный научный рывок. <...> Для сравнения: в настоящее время 12 тыс. иранских студентов обучаются на территории США, в стране... с которой у нас нет никаких отношений». Кстати, в России — стране, дружественной Ирану, обучалось на тот момент всего 400 иранцев. Как говорил Пророк, «за знаниями — хоть в Китай». Но самое поразительное в интервью следующее: «Мы осознали, что наш главный ресурс — это не наши ископаемые, хотя Иран обладает огромными запасами нефти и газа. Главный капитал страны — это человеческий фактор, “мозги”. Та страна, которая делает ставку на этот ресурс, выигрывает. Если выбирать между инвестициями в обучение пятилетнего мальчика или добычу барреля нефти, то я твердо уверен: нужно вкладываться в мальчика. Будущее за теми, кто инвестирует в науку и технологии. И за теми, кто вкладывается в своих граждан, даже самых маленьких, которые в будущем станут создавать свои компании и развивать свою страну».

Вот вам подлинно исламская позиция, всецело соответствующая Корану. Озвученное иранским вице-президентом положение способно украсить социальную доктрину любой религии. И именно на таких основаниях можно консолидировать любое поликонфессиональное общество, в том числе российское, изнасилованное любителями экспериментов на живых людях. Так что учитесь, господа изобретатели и конструкторы социальных учений, учитесь хотя бы на чужих примерах, примерах элементарных, если самим трудно...

Быть мусульманином — это огромный повседневный труд и предельная самоотдача во имя Бога.

Как известно, ислам — это религия, требующая от своего адепта активной жизненной позиции, решительного

социального действия. Социальный активизм — *ключевой* элемент свидетельствования мусульманином искренности его веры. Без означенного свидетельствования *нет и не может быть* исламского образа жизни. Но в современном мире такая активность, нацеленная на результат, невозможна без использования политических инструментов. А потому политизированность — сущностная/доктринальная составляющая данной религии.

В этом плане социальное учение ислама принципиально отличается от социального учения его авраамического собрата — православия, в основе которого — мистическая система взглядов. Если оценивать поведение мусульман по меркам православной общежительной культуры, что неявно происходит сплошь и рядом и отличает невежд во власти и силовых структурах, то в итоге в активизме правоверных, на первый взгляд немотивированном (православные-то смиренно сносят несправедливость), можно начать усматривать не что иное, как социальную патологию, естественно, требующую ответных мер принудительного реагирования.

Конечно же не всякая активность исповедников ислама отвечает этому вероучению. Нередки и прямые извращения, сектантские взгляды, языческая эклектика. Поэтому столь важно понимать, в каких случаях мы имеем дело с исламом, а в каких — с его муляжом, эрзац-версией, кривым отражением. Но прежде всего лицам, от которых зависят судьбы миллионов россиян, важно уяснить простую аксиому: если человек начал взирать на окружающую действительность глазами мусульманина, значит, он перестал быть социально пассивным и аполитичным. А раз активность мы констатируем как данность, то заботить нас должно прежде всего, в какие формы она выливается и может ли быть направлена в позитивное русло.

О том, что ислам — религия веротерпимости и миролюбивого созидания, говорится чаще всего на митингах

и конференциях, под телекамеры. Но как эти не вызывающие сомнений слова должны выражаться в реальной российской практике? Ведь основная масса россиян именно с исламом связывает причины экстремизма и радикализма, культурной отсталости «исламских регионов» и вызывающе эпатажного поведения выходцев из них. Казалось бы, логичным шагом должна была бы стать постановка задачи популяризации правильной точки зрения на ислам, изживание антиисламских фобий, формирование столь необходимой стране богословской среды и выработка пророссийской социальной доктрины мусульман. И всё это ради главного — превращения присущего умме активизма в приводную силу ускоренного развития страны. На деле же мы имеем обратную картину.

Определяющий тренд российской практики — игнорирование позитивной, ключевой для правоверия, составляющей исламского активизма и гипертрофированное акцентирование внимания на его негативной составляющей, вплоть до отказа первой в праве на существование, формирование в общественном сознании (усилиями прежде всего большинства федеральных СМИ и ряда услужливых политологов) ложного представления о политическом исламе, которому только дай волю — и на смену человеколюбивой суверенной демократии придет режим озверевших варваров-головорезов. Как следствие — политика жесткой нейтрализации всякого активизма, маркированного исламом, квинтэссенция которой — оголтелая борьба с пресловутой «ваххабизацией». Исламу вместо роли союзника в развитии страны отведена роль маргинала, который, чем активнее, тем более опасен.

В организационном отношении российские мусульмане — это огромная аморфная масса верующих, колоссальный энергетический потенциал которой (у православных ничего подобного нет) остро требует консолидации и организационного оформления. Власть же как огня боится широкой реальной структуризации и неизбежного в этом

случае выхода мусульман-харизматиков на российскую политическую сцену.

Акт веры в исламе — это прежде всего волевое, координируемое разумом усилие по преобразению внутреннего и внешнего миров на духовных и естественнонаучных основаниях. Иными словами, истинно верующий — это одухотворенная, интеллектуально развитая личность с активной жизненной позицией, это широко образованный человек, постоянно приобщающийся к новейшим научным достижениям, занимающийся самосовершенствованием, живущий неиссякаемым умственным напряжением и неугасимым пламенением распахнутого сердца, чуждый всякого догматизма и оглуления, постоянно преодолевающий сомнения, рожденные кажущейся повседневной несправедливостью этого мира, и находящий *современные и оптимистичные* ответы на извечные вопросы бытия.

Постепенная утрата уммой интеллектуализма, обструкционизм, которому стали подвергаться улемы, приверженные рациональности, деградация, начавшаяся, по оценкам самих же мусульманских ученых, много веков назад, — всё это породило серьезные деформации исламской социальной практики, которые отдельными верующими стали восприниматься как неотъемлемая часть подлинного «чистого ислама» — того ислама, с которым пророк Мухаммад был Богом низведен в этот мир как милость Всевышнего.

— *А что же случилось, Юрий Анатольевич? Как это огромное живое пространство, давшее миру медицину, образовательную систему, элементарные понятия о гигиене, — как оно погрузилось в многовековой застой?*

— На поднятую Вами тему существуют самые разные точки зрения. Она словно незаживающая, постоянно саднящая рана, то и дело напоминающая о себе. Мусульмане сознают себя авангардом, передовым отрядом человечества. Такое понимание — ядро их ментальности, питаемое в том числе и историческим прошлым (Коран учит отно-

ситься к человеческой истории как к назиданию от Бога). Но в реальной жизни ситуация очевидным образом иная, и перспективы к ее изменению явным образом сейчас не просматриваются. Все ждут какого-то прорыва. (Но это больше похоже на полуторатысячетное ожидание прихода Махди, своего рода мессии, призванного «обновить веру» и возглавить человечество на пути к счастью.) Наиболее харизматичными в этом плане были те интеллектуалы, которых принято называть *исламскими фундаменталистами*. Налицо негативно-уничжительный и даже зловещий оттенок в этом определении. Их желание одним махом переломить ситуацию, «стереть до основания... а затем...» во многом напоминает революционную романтику большевиков, изнанка которой — неисчислимы жертвы на пути в мир земного благоденствия. Поражение «Братьев-мусульман» (запрещены в РФ), пришедших по итогам выборов к власти в Египте и не сумевших предложить реалистичную программу реформ (что неудивительно!), а потому бесславно выброшенных с политического олимпа, — яркий пример из недавнего прошлого. Всем известное террористическое формирование, самоназвавшееся «Исламским государством» (запрещено в РФ). Это некий эрзац ислама, ислам наизнанку, именно тот псевдоислам, какой неизбежно возникает в случае выхолащивания великой религии от интеллектуальной жизни, от актуализации ее социального учения сообразно требованиям современности.

Мы не имеем сегодня разработанной концепции современного исламского государства. Поэтому всякие попытки его строительства неизбежно выливаются в реализацию неких фантазмагорий, предельно далеких от реальной жизни и, как правило, радикальных.

Я полагаю, что застойные явления в исламской мысли возобладали в момент, когда политические режимы в мусульманских государствах озаботились наследственной

передачей власти. В стране, живущей по законам ислама, власть в обязательном порядке должна обладать религиозной легитимностью. Но наследственность как основание для передачи трона явным образом противоречит фундаменту религии пророка Мухаммада. Ислам требует, чтобы каждый человек занимал в обществе то место, которому он в наивысшей степени соответствует. В Священном Писании мусульман говорится, что при рождении каждый человек вдыхает от Бога частицу Его Духа. По сути, речь идет о той индивидуальности и, в частности, способностях, которые в дальнейшем определяют личность человека. Жизненная миссия человека — реализовать таланты, дарованные ему Всевышним, а это невозможно, если не занять в жизни правильное место, то есть то место, где человек сможет в наибольшей степени раскрыться, что позволит приумножить благо в этом мире. Ведь именно этого Всевышний и ожидает от того, для кого Он является главным жизнеустройвающим ориентиром и поводом.

Как только вы ставите в религиозном ключе вопрос о легитимности монарха, вы неизбежно оказываетесь в его глазах смертельным врагом. Поэтому власть озаботилась проблемой нейтрализации не только ее конкретных критиков, но и исключения самой возможности вынесения критических заключений с религиозных позиций, лишения права самостоятельного богословско-правового суждения. Ясно, что обладать указанным правом должен лишь компетентный человек. Оставалось выдвинуть такие критерии для оценки компетентности, которым практически никто не мог бы соответствовать (к примеру, знать на память сто тысяч хадисов со всеми их иснадами). Парадоксальным образом даже некоторые признанные корифеи прошлого оказались, следуя этим критериям, «непроходимыми». «Врата иджитхада» были наглухо захлопнуты, и всем правоверным было предложено следовать путем таклида, иными словами, прекратить вольнодумство и беспрекословно

руководствоваться ранее вынесенными — порой в очень давние времена и совсем в другой общественно-политической ситуации — решениями, не пытаясь подвергать их сомнению либо приспособлять к меняющейся жизни. Постепенно интеллектуальная мысль была задушена. Власть деградировала. Застойные явления распространились на многие сферы жизни. Общество погрузилось в стагнацию. Исламская цивилизация, некогда локомотив мирового развития, начала безнадежно отставать от Запада.

— *И тогда, естественно, возникает вопрос: почему даже в странах, высоко вздымающих зеленое знамя ислама, никак не удастся построить государства, соответствующего нормам и канонам ислама?*

— На первый взгляд ответ прост, хотя на самом деле это колоссальная проблема. Как я уже говорил, на сегодняшний день не существует разработанной концепции современного исламского государства. Нет даже перечня ключевых признаков, базовых характеристик, которым это государство должно было бы соответствовать. В Коране и Сунне — что естественно — очень многое намечено, лежит на поверхности, но не так-то легко понять, как претворить эти установки в повседневность, построив не просто жизнеспособное, а лидерское государство XXI века. На меньшее мусульмане претендовать никак не могут.

Кораническая антропология свидетельствует, что человек (независимо от вероисповедания) — это храм Божий, ведь каждого человека Всевышний творит при рождении Своими «двумя Руками», вдыхает в него от Своего Духа, тем самым наделяя его индивидуальностью и талантами (и, как следствие, постоянно обогащая главный и неисчерпаемый ресурс любого общества — «человеческий капитал»). А потому мусульмане выступают за приоритет развитию личности, способностей, которыми Творец награждает каждого человека в момент его рождения, провозглашают культ детства и материнства, института семьи, выража-

ют приверженность передовому образованию (всецело за счет государства) и высокоинтеллектуальному труду соответственно разным наклонностям индивида, считают социальной нормой самообразование, духовное и физическое самосовершенствование, здоровый образ жизни, торжество здравого смысла и справедливости в социальном проектировании.

Раскрытие в каждом ребенке заложенного в нем таланта и затем развитие выявленного дарования посредством воспитания и образования — это прямая ответственность государства (возлагать ее целиком на родителей — вопиющая несправедливость с точки зрения распоряжения богоданными талантами), равно как и бережное отношение к окружающему миру, принадлежащему Богу и отданному человечеству в доверительное управление. Для грамотного исполнения последнего необходимо постоянное приобретение новых знаний о вселенной, что обеспечивают лишь науки, а потому в основе развития общества должно лежать научное знание.

Подлинно социальное государство должны отличать: социальная справедливость, в частности, равный доступ к общественным благам, защита сирот, нуждающихся и престарелых; заработок — по труду, нетерпимость к несправедным доходам, иждивенчеству и тунеядству; защита иноверцев; безусловное соблюдение требования предоставления общественных должностей лишь наиболее достойным и способным гражданам, а отсюда — необходимость постоянного развития демократических процедур и институций, отстаивание гражданских прав и свобод каждого человека; основной способ выработки общественно значимых решений — конструктивный диалог.

Семья в исламском социуме — на первом плане, она — вершина общественной пирамиды. Основная задача государства — благополучие семьи. Чтобы стать состоявшейся и успешной личностью, ребенок должен раскрыть заложенные в него Богом таланты, и без определяющей роли матери

здесь чаще всего не обойтись. Глава семьи должен создать для этого все материальные и иные условия. Вместе с тем государство не может перекладывать заботу о детях целиком на родителей (опекунов), увязывая будущность детей с материальными возможностями их родителей (опекунов), оно обязано создать все условия для реализации родителями (опекунами) своих обязанностей перед детьми.

Государство должно выстроить всю необходимую инфраструктуру, которая позволит каждому ребенку, в каком бы уголке страны он ни находился, не только открыть в себе природные дарования, призвание, к которому он рожден, но и обеспечить их всемерное развитие. Вот тогда Россия, опирающаяся на весь спектр талантов своего многомиллионного народа, наконец-то получивших возможность для реализации (сейчас — не более нескольких процентов), окончательно преодолет сырьевую зависимость и получит «вечный двигатель» для своего развития.

С позиций ислама, социальное мироустройство должно быть гармоничным. Когда каждый член общества находится на своем месте, занят тем, что лучше всего у него получается, в таком обществе торжествует гармония, и, как следствие, оно процветает, процветает прежде всего за счет реализации людьми своих дарований. А уж какими полезными ископаемыми располагает такая страна, оказывается не столь важным. Но ведь именно за счет эксплуатации последних процветают ныне флагманские государства Исламского мира. Человеческий ресурс в них фактически обесценен.

Движение на пути к социальной гармонии предполагает, к примеру, радикальную реформу всей системы образования, от дошкольного до высшего. Любой родитель твердо знает, что его ребенок в чем-то талантлив. Но многие ли из детей имеют возможность понять, какими конкретно талантами они наделены на самом деле, чему им стоит по-

святить свою жизнь, какое образование и профессиональные навыки получить? Ответ очевиден: таких счастливых единиц. На взгляд ислама, ситуация, когда ребенок получает образование в зависимости от толщины кошелька его родителей, абсолютно порочна. Да и нужно ли образование он таким образом приобретает? Не занимает ли он при этом место, на котором мог бы находиться действительно одаренный ребенок?

Заботу о раскрытии и развитии дарований ребенка, причем с малолетства, исламское государство возьмет на себя в полной мере и, понимая, что лишь такой подход — залог его (государства) процветания, сделает расходы на эти цели приоритетными в бюджете. Образование в подлинно исламском государстве не может быть платным. Ребенок, получивший в школе возможность понять, к чему он склонен, сможет в таком государстве поступить в любой из понравившихся ему вузов без каких-либо экзаменов. Отсев в процессе учебы при означенном подходе к выбору учебного заведения окажется самым незначительным. Исчезнут такие понятия, как «престижный вуз» и «престижная профессия».

Поскольку в состоявшемся исламском государстве признаваться будет лишь высокоинтеллектуальный труд, то есть такая деятельность, при которой яркие таланты смогут раскрываться с предельной отдачей, когда озарение (инсайт) станет обычным делом, оно, это государство, обеспечит тотальную роботизацию всего, что может быть алгоритмизировано, на самом первом этапе — низкоквалифицированные виды деятельности. (Сегодня вместо термина «роботизация» чаще употребляется выражение «внедрение искусственного интеллекта».) При выборе места работы уровень оплаты труда перестанет играть значимую роль, поскольку зарплата в таком сверхэффективном социуме будет повсеместно высока. При трудоустройстве

на первый план выйдет комфортность условий труда, возможность в полной мере отдаваться любимому делу. Выборы в органы власти окажутся состязанием самых достойных, политика перестанет быть «грязным делом» и превратится в открытую и честную соревновательность.

Всё это — родовые признаки развитого постиндустриального общества, о котором я уже говорил как о коранической перспективе.

Одним словом, в центре внимания исламского государства должны оказаться вопросы образования, семьи, материнства и детства. Семья должна стать фундаментом малого бизнеса, ведь от ее благополучия будет зависеть и благополучие всей страны, а потому государство должно быть озабочено не столько налогообложением малых предприятий, сколько созданием условий для их успешного функционирования.

Если на время забыть об исламской маркированности описанного мной общества и задаться вопросом, найдутся ли инаковерующие, которые бы захотели жить в нем, то, думаю, утвердительный ответ не заставит себя долго ждать и будет солидарным.

Современная экономическая практика прямо свидетельствует в пользу социального учения ислама. Так, например, в последний мировой экономический кризис 2008 года наименее пострадали финансовые структуры, исключившие из своей практики *рибу* (ростовщический процент) и тем самым не оказавшиеся втянутыми в орбиту надувания так называемых «финансовых пузырей». Повторюсь, что наиболее передовым считается сегодня постиндустриальное (постэкономическое) общество, когда на первый план выходит возможность творческой самореализации работника на занимаемой должности, нежели уровень ее оплаты. В развитом серийном производстве всё большую долю занимают автоматические технологические операции, когда на смену человеку приходят автоматы и роботы. Кстати,

одним из определяющих признаков постиндустриального общества является ускоренное снижение в себестоимости продукции доли сырьевой составляющей.

Напрашивается уподобление Корана посланию человечеству из будущего.

Любопытно, что в исламе гармония равнозначна красоте. Гармонично то, что находится на своем месте. А какое место следует считать таковым? То, которое предуготовано Богом — творцом этого мира, его законоустроителем. Нахождение на своем месте следует понимать как соответствие Божьему Замыслу. Пророк говорил: «Бог прекрасен и любит красоту». Всевышний — единственный источник красоты. Нет иной красоты, кроме как от Бога. Всё, что не от Бога, то некрасиво. А красиво то, что отвечает Его правящей и упорядочивающей воле, Его неисследимому нами Промыслу, то, что оказывается на своем месте.

— *Да, прекрасно сказано. Увы, гармония труднодостижима. Вот мы, по Конституции, строим социальное государство, и с каждым годом индекс Джини, то есть разница между доходами богатых и бедных, только растёт. А вот интересно, насколько идея социального государства как такового соответствует духу и постулатам ислама?*

— На все сто процентов. Иному государству, на взгляд ислама, в будущем не место. Власти государства, в котором меньшинство жирует за счет грабительской эксплуатации большинства, в котором общенациональные богатства присвоены группой сросшихся с властями казнокрадов и аферистов, такие власти, по сути, стоят на богоборческих позициях, даже если правящая верхушка окружена сонмом духовенства, денно и нощно пекущегося о воспевании заслуг власть предержащих, точнее — тех, кто вцепился в нее мертвой хваткой.

От критиков мусульманского образа жизни часто можно услышать утверждения о том, что в мусульманской семье женщина в сравнении с мужчиной тотально ущем-

лена в правах. Жена тем самым отделяется от мужа, после чего права каждого из них взвешиваются на весах феминизма. При этом не учитывается, что на вершине социальной пирамиды в исламе находится не отдельно взятая замужняя женщина либо женатый мужчина, а семья как одно нерасчленимое целое. В рамках этой общности, во многом устроенной на договорных началах, жена обладает достаточными возможностями, чтобы ни в коей мере не чувствовать себя хоть в чем-то ущемленной. Именно в тех семьях, где ислам перестал быть живым учением, превратился в собственную противоположность, окостенел и переродился в одну из форм язычества — обрядопоклонство, торжествуют домостроевские порядки, превращающие жену в бессловесную рабыню мужа.

Кстати, с позиций ислама (для которого всё, чем наделен человек, дано ему Богом в долг и по завершении жизненного пути подлежит возврату к Нему с отчетом о том, как оно было использовано) нахождение мужчин и женщин репродуктивного возраста вне брака — это неприемлемая аномалия, серьезнейшая общественная проблема, разрешением которой должны быть озабочены не только сами эти одиночки и их родня, но и специальные государственные и общественные учреждения. Повышение рождаемости, о чем сегодня много говорят, следует расценивать как один из аспектов доверия Бога к людям.

— *Цитата из вашей книги: «Чего нет в современном Исламском мире — это интеллектуального центра, который обеспечивал бы мир ислама современными идеями». И таким интеллектуальным центром, по-вашему, могла бы стать Россия. «Россия могла бы стать центром притяжения всех здоровых сил в Исламском мире».*

— В этом я глубоко убежден. Сегодня в арабском мире вы не найдете страны, в которой одна лишь идея создания такого влиятельного центра не вызывала бы сильного на-

пряжения со стороны властей, поскольку рано или поздно вопрос об их религиозной легитимности, а также о легитимности всего местного политического устройства в той или иной форме обязательно будет поставлен. Не может быть заинтересован в создании такой мощной интеллектуальной институции и Запад, поскольку неизбежно будут подвергаться сомнению сами устои, на которых он зиждится.

А вот в России принципиально иная и во многом уникальная ситуация. Исторически наша страна сложилась как центр притяжения народов разных культур, традиций и вероисповеданий. Быть вместе с Россией было выгоднее, нежели оставаться вне ее границ и, соответственно, вне ее защиты. Языком лингва франка стал, естественно, русский язык. В нынешних условиях очень важно, чтобы на евразийском и постсоветском пространствах он укоренился еще и в качестве языка межрелигиозного общения. В этом плане, в частности, надо русифицировать ядро исламского вероучения, заново перевести на новых принципах Коран, представив в комментарии к переводу все главные школы его толкования, перевести, систематизировать и научно прокомментировать полный корпус хадисов, для начала — шесть их главных сборников. Такая работа немислима, если не создать отечественную школу научного перевода исламских богословско-правовых текстов. Надо научиться давать ответы на актуальные вопросы современности, возродив традицию иджтихада. Выносимые заключения должны быть авторитетными для мусульман всего мира. Еще в 2013 году к этому призывал В.В. Путин, но — спустя более десятилетия — воз и ныне там.

В Коране постоянно рефреном звучит обращение к «людям разумеющим», то есть к тем, у кого не зашорен разум, к тем, кто открыт к анализу и самоанализу, к диалогическому мышлению. А потому в исламе столь сильна

интеллектуальная рефлексия. Абу Ханифа, основоположник и эпоним ханафитского мазхаба, доминирующего в нашей стране, говорил, что, если вы не можете прийти к тем же выводам, к каким пришел он сам, этими выводами можно пренебречь. Логичность того, что он утверждал, доступность к повторению слушателями цепочки его умозаключений были для него главенствующими. Из этого следует, что выработка правоверных суждений (во всяком случае, значительный объем таких операций) может быть алгоритмизирована. Иначе говоря, можно попытаться математически описать то, что наработала исламская цивилизация в сфере фикха. Для этого существует достаточно развитый математический аппарат. Отрасль знаний, связанная с изучением человеческой логики, постоянно развивается в мире. Если бы такую новаторскую школу удалось создать в России, она приковала бы внимание всего Исламского мира, духовенство которого в своем подавляющем большинстве никак не может выбраться из тенет Средневековья.

Давно пора создать российский музей ислама. Наши соотечественники должны иметь возможность узнать, какова роль мусульман в развитии России. Это должен быть и просветительский центр. В нынешней ситуации «поворота на Восток» следовало бы построить несколько специализированных бизнес-центров и жилых кварталов для предпринимателей из Исламского мира со всеми сопутствующими учреждениями (средней школой, поликлиникой и проч.).

Россия и Исламский мир — давние стратегические партнеры, самой природой, географическим положением (что свидетельствует о воле Бога!) обреченные быть вместе. Не случайно ценностные системы православия и ислама столь близки. Символично, что на шлемах Александра Невского и Ивана Грозного, хранящихся в наших музеях, отчеканена арабская вязь, прочитываемая специалистами как корани-

ческие цитаты, призванные сберечь жизни князей. Коран находился в личных библиотеках русских царей, звучал на просторах Московского Кремля, где до XV века существовал Ханский двор с мечетью. Максим Грек сетовал, что, возможно, недалек час, когда москвичи поголовно увенчат свои головы чалмами. Петр I, «прорубивший окно в Европу», был инициатором научного осмысления, перевода и распространения Корана в России. Он же положил начало систематическому изучению мусульманского Востока. Преемница дела Петра Великого, Екатерина II, выступила со знаменитым указом «О терпимости всех вероисповеданий...», фактически придав исламу статус традиционной и полноправной — по сути, системообразующей — религии империи. При Екатерине II началось печатание (сотнями тысяч) полного комментированного (сообразно нормам ислама) арабского текста Корана (как было сказано, с заботой об «охранении чистоты мусульманства»), а также заложен почин строительства каменных мечетей. И всё это — за казенный счет. Каждая казенная мечеть — во избежание порчи — охранялась русскими часовыми наряду с госучреждениями. Государыня всячески пеклась о поддержании своего реноме покровительницы ислама. Она была убеждена, что «гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан».

Как ни странно, в нашей стране нет ни одного учебного заведения, где готовили бы к ведению бизнеса со странами Исламского мира, изучали национальные экономики, местные языки, религиозные и культурные традиции. Даже в Высшей школе экономики готовят по программе «Востоковедение» не строноориентированных предпринимателей, а преимущественно классических востоковедов.

— Да, я помню, эта идея — создание Исламского университета в Москве — излагается у вас в книге достаточно подробно. Однако прошло уже несколько лет. Что-нибудь сдвинулось?

— Ничего. Словно глас вопиющего в пустыне. Наверное, не к тем лицам обращался или не так, как следовало бы. Звучали недоуменные возгласы, с чего это вдруг бюджет возьмет на себя финансирование религиозного вуза, когда у нас — светское государство. Но моя идея состояла как раз не в том, чтобы создавать религиозный вуз. Предлагалось открыть международный университет, учрежденный и финансируемый несколькими странами, в котором студенты со всего Исламского мира совмещали бы на первом этапе начальное религиозное и бизнес-образование, изучали бы языки (для иностранцев — русский) и национальные особенности мусульманских стран (для иностранцев — всё, что связано с Россией), а на втором — посвящали бы себя глубокому изучению либо религии, либо бизнеса. Если вы хотите добиться больших успехов на коммерческом поприще, связанном с зарубежными мусульманами (а это далеко не всегда транснациональные корпорации, работающие преимущественно по западным методикам), вам волей-неволей придется учитывать особенности миропонимания этих людей. Те, кто отучился в предложенном мною университете, смогли бы завязать друг с другом не только товарищеские отношения, но и установить коммерческие связи, создать совместные предприятия. Впору было бы говорить об эффективной народной дипломатии.

У нас странная ситуация в целом с экономическим образованием. Если взглянуть на предметный профиль соответствующих факультетов ведущих отечественных вузов, то возникает ощущение, будто мы собираемся поддерживать деловые связи исключительно с Западной Европой и американцами, хотя, помимо западной цивилизации, с которой ныне отношения стремительно сворачиваются, мы

всегда стремились расширять партнерство с китайской и индийской цивилизациями. Понятно, что этой парой перечень наших перспективных незападных партнеров не исчерпывается. Все они имеют свои национальные особенности, так или иначе сказывающиеся на национальных традициях ведения бизнеса. Спрашивается, в каком отечественном вузе можно получить образование, которое позволяло бы профессионально строить деловые отношения с такими регионами? Ни одного подобного вуза нет. Основным двигателем является предпринимательская смекалка и энтузиазм. В России надо бы открыть пять или шесть специализированных университетов (бизнес-школ), ориентированных на определенные «дружественные» регионы и, возможно, на паях с ними.

Предлагал я создавать и международные детские лагеря, например, в Иране — для российских детей, а в России — для иранских. По меньшей мере, русский и персидский языки получили бы в обеих странах хороший стимул для закрепления и популяризации не только самих языков, но и национальных культур. Детская дружба — отличный залог для будущего взрослого добрососедства и взаимного доверия.

— *Не удивлюсь, если найдутся ультра-патриоты, которые захотят уличить вас в желании исламизировать православную часть России.*

— Так это уже мне говорилось, причем глядя прямо в глаза.

— *И как вы отреагировали?*

— Поначалу испытал чувство неловкости и изумления, поскольку ничего подобного у меня и в мыслях не было. Ведь стремился я прежде всего к тому, чтобы обнажить корни экстремизма, маркированного исламом. Сделать это надо было таким образом, чтобы понимание природы религиозно окрашенной радикализации, механизмов ее развития и закрепления в сознании верующего пришло

прежде всего к тем чиновникам (как правило, немусульманам), на кого государством возложена ответственность за профилактику и нейтрализацию деструктивных взглядов. Избежать я должен был и распространенного ныне недостойного приема, когда пороки, отличающие отдельных правоверных, объявляются присущими всей умме. Вести разговор следовало не об «усредненном» исламе в лице многомиллионной массы верующих, а об исламе в значительной степени идеализированном (в плане социальной практики), то есть исламе, который задается очевидными (не предполагающими вариативности в интерпретациях) посылами Корана и Сунны. Иным наверняка не получился бы разговор и о любой другой традиционной религии — достаточно почитать популярные пособия по православии, иудаизму и буддизму, изданные соответствующими конфессиями.

Ответ на вопрос, что из моих слов могло навести на столь несуразную мысль, как желание исламизировать нашу страну, я нашел, признаться, не сразу. Если говорить кратко, то причиной такого восприятия стал, как ни странно, выраженный мной *позитивный* взгляд на ислам. «Уличение» меня в желании навязать исламизацию, по-видимому, является прямым отражением накопившегося в определенной части нашего общества напряжения в сфере межконфессиональных отношений, когда «мусульманский фактор», чуть ли не каждодневно «вламывающийся» в нашу жизнь (порой в лице тех, кто вовсе не красит умму), вызывает у некоторых инаковерующих панический ужас перед «надвигающейся угрозой» всему, к чему они привыкли с малолетства. Ужас сопряжен еще и с подспудным чувством невозможности прийти к взаимопониманию и добрососедству между мусульманами и прочими гражданами, а потому единственным выходом видится принудительная фильтрация информационного пространства: право голоса должно сохраняться лишь за теми, для кого мусульма-

не есть чужеродное токсичное образование. Пусть даже об этом говорится не прямо, а эзоповым языком. (Никто не хочет попасть под уголовную статью о разжигании межрелигиозной розни.)

Данная позиция скрыто-агрессивного неприятия обратной точки зрения свидетельствует, на мой взгляд, о слабости того, кто эту позицию разделяет. Прежде всего о слабости веры человека. Удивительно, что указанная слабость механически приписывается такими людьми своим единоверцам, во имя «спасения» которых не остается якобы ничего иного, кроме как цепко держаться негативной (в лучшем случае — снисходительно-негативной) оценки ислама.

Особенно нетерпимой представляется ситуация, когда вирусом слегка замаскированной исламофобии оказываются поражены подчас те, кто назначен властями ответственными за поддержание межконфессионального согласия. Но своим по меньшей мере двусмысленным поведением эти чиновники лишь подрывают его, фактически примыкая к радикалам с неисламской стороны и тем самым способствуя подрыву единства нашей страны. Такого рода «раскольническое» поведение («на словах — одно, а на деле — совсем другое») расценивается иной раз как подлинный патриотизм, забота о судьбе государства. Налицо здесь очевидная подмена понятия патриотизма, причем подмена крайне вредная. Такое поведение можно было бы считать хоть как-то оправданным, если бы ставилась задача выкорчевать ислам из жизни нашей страны либо заключить его в своего рода резервацию. Но подобных целей никогда не было и в принципе быть не может, так как народы, исповедующие эту мировую религию, являются для России государствообразующими.

До какой же степени нужно быть шатким в собственной вере, не быть стойким в приверженности своей конфессии, что, услышав добрые слова о другой религии, до-

думаться до того, что эти слова могут быть широко восприняты как призыв к смене вероисповедания, причем призыв действенный? Рассуждать так могут лишь те, кто не способен отстоять — хотя бы внутри самого себя — свое вероубеждение, кто духовно бессилён (а то и является атеистом-невежей с натренированными навыками видеть буквально во всем «угрожающие факторы»), кто воспринимает общественные изъяны как непреодолимые в рамках социального учения своей религии.

Я-то не сомневаюсь, что и у православия, и у иудаизма, и у буддизма есть нужный позитивный потенциал для благоустройства нашей страны консолидированными усилиями. Моя задача состояла лишь в том, чтобы помочь мусульманам наладить конструктивный диалог с той частью российского поликонфессионального общества, которая питает предубеждение к мусульманам. Кстати, именно поэтому я всегда делал особый акцент на единстве трех монотеистических религий, позволяющем сотрудничать на общей авраамической платформе.

Особых иллюзий насчет того, что мои усилия могут хоть что-то переменить в обозримом будущем, я, естественно, не питаю. Но, следуя изречению древнегреческого философа Диогена Синопского, «надежда — это последнее, что умирает в человеке».

— *Подведём итоги, Юрий Анатольевич. Итак, на евразийском пространстве ислам мог бы стать одним из важнейших цивилизационных факторов интеграции, включая как мусульман, так и...*

— Да, верно, я действительно убежден, что у ислама огромный потенциал к консолидации. Ведь с самого момента своего появления он был обращен ко всему человечеству, которое должно было сплотиться на платформе единобожия, когда человек оказывается в зависимости от одного лишь Вседержителя, находящегося за пределами этого мира, но им правящего, и полностью освобождает-

ся для «возделывания» земного мира, полученного в доверительное управление с пожеланием соблюдения Завета, заключенного человечеством (в лице Адама и всех его потомков) с Богом.

Так что, когда сегодня имам-хатыбы в своих пятничных проповедях, по сути, разделяют людей на мусульман и немусульман, они совершают серьезную ошибку. Другое дело, что надо уметь обращаться к немусульманам на понятном им языке, а нынешнее исламское духовенство не только этому не обучено, но и не сознает эту проблему. Когда пророк Мухаммад оглашал окружающим его людям Коран, среди которых поначалу были преимущественно язычники, хадисами не зафиксировано ни одного случая, чтобы кто-то упрекнул его в том, что он произнес нечто невразумительное. Чаще всего Коран воспринимался не просто как понятное воззвание, не оставляющее никого равнодушным, но как потрясающе красивый и завораживающий текст, пробуждающий то, что у идолопоклонников было запрятано в самых дальних уголках их души. Коран — это единоебожный призыв, обращенный к каждому человеку, независимо от его вероисповедания. Если брать авраамическую платформу, то фактически это третий, причем заключительный, Завет после Ветхого и Нового Заветов.

На одной из мусульманских конференций я попросил собравшихся дать определение Корану, которое было бы адресовано инаковерующим и сформулировано доходчивым языком. В ответ я услышал множество шаблонных, трафаретных фраз, не только не вносящих никакой ясности и ровным счетом ничего не объясняющих, но порождающих еще и много вопросов к тем, кто давал ответы.

А потому предложу свою формулировку. Коран — это научение о человеке, отвечающее на вопрос, как перестать быть существом, внешне похожим на человека (человекообразным), и стать настоящим Человеком (с большой буквы). Это откровение, которое призывает нас задуматься,

напрячь разум, всмотреться в окружающий мир, увидеть его красоту, гармонию, связанность всего этого многообразия единым замыслом и волей и в итоге прозреть — уже сердцем, — что за этим, привычным для всех нас, миром есть подлинная Реальность, задавшая ему систему законов, определившая характер его развития и прописавшая правила пребывания в нем человека. Остается всё это уразуметь, воспрянуть духом, взять себя в руки, раскрепостить свой разум, собрать в кулак волю и, ухватившись за «вервь Божью», начать правильно жить.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Путин</i> УФИМСКИЕ ТЕЗИСЫ	3
<i>Юрий Михайлов</i> О ПРОГРАММЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В. ПУТИНА ПО СОЦИАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В РОССИИ	9
Приложение	38
<i>Юрий Михайлов</i> ДЕИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ИСЛАМА. Почему чиновники проигнорировали «Уфимские тезисы» В.В. Путина?	42
<i>Юрий Михайлов</i> ФЕНОМЕН ИГИЛ	54
<i>Юрий Михайлов</i> ЕСЛИ СТРОИТЬ МЕЧЕТЬ, ТО КАКУЮ?	73
<i>Юрий Михайлов</i> УХВАТИВШИЕСЬ ЗА «ВЕРВЬ БОЖЬЮ», НАЧАТЬ ПРАВИЛЬНО ЖИТЬ	89

Михайлов Юрий

ИЗБРАННОЕ: От автора книги «Пора понимать Коран» [О программе Президента РФ В.В. Путина по социализации ислама в России; Деинтеллектуализация российского ислама; Феномен ИГИЛ; Если строить мечеть, то какую?; Ухватившись за «вервь Божью», начать правильно жить]. 2-е изд., доп. / Ю.А. Михайлов. М.: Ладомир, 2024. — 128 с.

ISBN 978-5-86218-673-4

Научно-популярное издание

Михайлов Юрий Анатольевич

ИЗБРАННОЕ

От автора книги «Пора понимать Коран»

Корректор *О.Г. Наренкова*

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.

Подписано в печать 20.09.2024 г. Формат 84 × 108^{1/32}.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 4,0. Зак. №

Научно-издательский центр «Ладомир»

124527, Москва, Зеленоград, корп. 812

Отпечатано в соответствии

с предоставленными материалами в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13